

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

Может быть, нам
просто не до конца
рассказывают
истории?

Опасный Вынтаж

ФУНА

ОСИНКИНА

Ловушки мегаполиса. Городской детектив

Рина Осинкина

Опасный винтаж

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Осинкина Р.

Опасный винтаж / Р. Осинкина — «Эксмо», 2020 — (Ловушки мегаполиса. Городской детектив)

ISBN 978-5-04-109607-6

Из-за колючего и своенравного характера Алину Трофимову еще в школе прозвали Росомахой. Каково же было удивление девушки, когда она встретила парня с созвучной фамилией! Тем более познакомилась с ним юрист Трофимова при странных обстоятельствах – она как раз пыталась самостоятельно расследовать дело о смерти отчима своей подруги Риты. Мать Риты обвинили в убийстве мужа, и Радовы обратились за помощью к Алине. Той действительно удалось найти на месте преступления несколько важных улик, но тут на пороге квартиры появился он – Егор Росомахин, – и это совпадение явно неспроста...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109607-6

© Осинкина Р., 2020
© Эксмо, 2020

Рина Осинкина

Опасный винтаж

Из окна убогой кухни женщина была видна как на ладони. Вон вышагивает, пересекая унылое пространство двора, захламленного ржавыми автомобилями, серыми от дождей скамейками и столами для пинг-понга, мятыми и вонючими мусорными контейнерами.

Не полная, а скорее плотная, не пожилая, но уже в возрасте. Джинсовая юбка, именуемая «классическая», коричневая фуфайка под названием «блузон», бежевые тапки под названием «мокасины». Лихая «химия» топорщит пружинки заросшего «каре». И неизбежные сумки в крепких руках, две штуки, не считая той, что на плече, – под названием «дамская».

Тамара Михайловна Радова, нагруженная этими здоровенными сумками с картошкой, капустой и прочими овощами, до синевы в пальцах оттянувшими ей левую руку, потому что правой рукой она держала ключ и шуровала им в дверном замке, наконец с задачей справилась, толкнула сильным плечом обитую вагонкой дверь и вошла в свою квартиру.

На пороге она неожиданно замешкалась, почему-то помедлив войти. Что-то ей такое показалось... Да что могло показаться-то?!

Включив свет в прихожей, она поставила сумки с продуктами на низенькую тумбочку тут же у входа. Скинула мокасины, но искать тапки не стала. Босая прошла в глубь квартиры.

Тишину разбавлял какой-то слабый шипящий звук.

Непонятная тревога усилилась, переросла в страх, беспричинный и внезапный, от которого сердце бешено забилося, а дыхания, наоборот, не хватало.

Крадучись, она прошла мимо полуоткрытой двери в ванную, зачем-то заглянула в темный туалет, свернула в кухню. Охнула, замерев в дверном проеме. Она была сильная женщина, Тамара Радова. Она только охнула, схватившись за горло.

На кухонной кушеточке, укрытый по пояс полысевшим шотландским пледом, лежал, свесив голую руку до самого пола, не слишком молодой человек. Его глаза были закрыты, но как-то не очень плотно, а бледные губы недоуменно кривились.

Она помедлила и все-таки окликнула шепотом этого человека, который так тихо лежал на кушетке.

Последние четыре года он был ее мужем. Теперь он был ее покойным мужем.

Это было понятно сразу безо всяких там «а вдруг?..», Тамара на своем веку повидала покойников.

На столе – водка. И рюмка. Как странно. Шипит пустым звуком невыключенная старенькая магнитола. Рядом валяется «рубашка» от кассеты с его любимым Володей Высоцким. Вот и послушал.

Тамара медленно присела на табурет. Дверца под мойкой приоткрыта. Ведро почти пустое: она утром перед работой выносила мусор.

А это что? Что это?!

Руки задрожали, и ей стало холодно, очень-очень холодно.

На дне мусорного ведра, рядом со скомканной упаковкой из-под «Явы» глянцево блестяла другая упаковка. Тоже пустая. Тамара сразу ее узнала и все поняла.

Она еще немного посидела. В голове после шквала панических мыслей вдруг стало тихо и пусто. Потом со вздохом Тамара Михайловна тяжело поднялась, направилась к мойке. Босой ногой наступила на что-то острое, ругнулась сквозь зубы. Проходя мимо кушеточки, остановилась, дотронулась до холодной щеки покойника, надавила на шейную артерию – пульса нет.

Теперь ей понадобится нож. Хороший острый нож. Нужно наточить. Нож должен быть очень острый. Иначе она не сможет. Руки все еще дрожали.

Сентябрь, конечно, не июнь, но все еще теплое солнце, пробиваясь лучами сквозь серые офисные жалюзи, манит и отвлекает от работы, и ветерок там, за окном, легок и ласков, и деревья пока зелены, а сердце жаждет шашлычка с белым сухим винцом на дачке с друзьями.

Именно таким чудесным сентябрьским утром Алина Трофимова, тщательно одетая по всем правилам корпоративного дресс-кода, сидела в своем кабинете и размышляла.

Чтобы лучше размышлялось, она съехала попой на самый край офисного кресла, вытянула ноги так, что острые носы лодочек торчали с другой стороны стола, и, сцепив на животе руки, время от времени вращала большими пальцами то по, то против часовой стрелки.

«Если прямо сейчас кто-нибудь ввалится без стука, то для меня вызовут неотложку, – подумала она с усмешечкой. – Неотложку из психушки».

Алина Леонидовна Трофимова являлась воплощением холодной английской чопорности и совершенного лоска, и все, кто был знаком с ней по работе, знали Трофимову Алину именно и только такой.

Она никогда не выражалась нецензурно и этим многих бесила. Она не хамила в общепринятом понятии этого слова и никогда не повышала голос. И она не искала ничьего расположения, что возмущало женскую часть коллектива особенно.

К ней притерпелись, поскольку специалистом она была классным, несмотря на молодость: для юриста двадцать восемь – это юные лета. Притерпелись, но как-то через силу. Слишком уж язвительна была и в своей язвительности не знала меры.

Поговаривали, что даже сам финансовый директор Исаев Викентий Витальевич побаивается юрисконсульта, но тут, вероятно, не обошлось без попранного самолюбия. Дело в том, что он не был ее начальником. Трофимова напрямую подчинялась генеральному, и это вынести Викентию Витальевичу было трудновато. Особенно когда она принималась аккуратно указывать тонким пальчиком с безупречным маникюром на аккуратно разложенные документы, которые визировать, оказывается, категорически было нельзя, а он впопыхах завизировал.

Алина Леонидовна ничего лично против финдиректора не имела. В конце концов, служба у нее такая – следить за юридической безопасностью.

А ему надо работать получше. Тогда и замечаний никто делать не будет.

Ей очень не хотелось снова к нему идти. Прямой погрешности Викентий не допустил, но тот договор, который утром он прислал ей по почте для согласования, Алине не понравился. Было в нем нечто скользкое и глумливое, а это она чувствовала сразу.

Она никогда и ни с кем не говорила об этом, а то и вправду в психушку заберут... Но приступив к изучению любого документа, она воспринимала его как-то весь целиком и сразу, как некий живой организм. Он мог быть безупречно здоровым, то есть честным и грамотным, или же инвалидом – непродуманным и с ошибками, а мог быть вообще заразным больным или того хуже – ядовитым, как паук-тарантул.

Документ, что она изучала сейчас, заставил вспомнить троянского коня.

Катя Демидова, бывшая Позднякова, порадовалась бы такой терминологии. Катерина работала у них системным администратором и была системным администратором гениальнейшим. Кроме того, как подозревала Алина, Катя Демидова тоже видела вокруг себя в серверной не тупую оргтехнику, а живые организмы.

Алина сползла с кресла, подергала туда-сюда узкую юбку, потом потерла указательным пальцем переносицу под дужкой очков. Сердито насупившись, собрала со стола листы распечатанного договора. Она знала, что Исаев на месте, но, тем не менее, набрала его номер и предупредила о приходе. Вдруг он тоже сидит и раскачивается, свесив зад с офисного стула?

– Меня немного беспокоит вот эта формулировка, – произнесла Алина, протягивая финдиректору исчерканные желтым маркером листы.

– Ну и что здесь? Что здесь такого? – раздражился Исаев, который, кажется, тоже что-то такое заметил в тексте, но пребывал в эйфории, как и весь, кстати, коллектив. Вернее, персонал.

Несмотря на капитализм. Несмотря на то что все уже успели усвоить и переварить, что работают «на чужого дядю» и никакого «общего дела» давно уже нет, а, напротив, есть частное дело одного, двух или нескольких, а все остальные – лишь работники по найму с соответствующей наемной философией.

Но данный наш капитализм вырос не из феодального строя согласно всеобщим законам истории, а из довольно крепкого социализма, как его ни кляни. Наш капитализм, оттого что пока живы люди, заставшие профсоюзные путевки и кассы взаимопомощи, немного не такой отточенный и совершенный, не такой, если можно так выразиться, чистый, какой царит в других странах, не петлявших безумно на своем пути в поисках то ли правды, то ли возмездия. У нас пока по-другому. Как будто люди не верят до конца, что все так всерьез и так бессердечно. Это у них, в Америках, все меряется «чистоганом», а у нас... А что «у нас»?.. Непонятно.

Так вот, персонал ликовал, и ликовал не без причины.

Димка Никин, который на самом деле Дмитрий Андреевич, и генератор идей, и молодой к. т. н., и заодно уж замдиректора по науке, недавно закончил расчеты новой лампы бегущей волны – сокращенно ЛБВ, собрал экспериментальный экземпляр и успешно его протестировал.

Основным, а также единственным профилем фирмы «Микротрон НИИРТ», на страже юридической безопасности которой как раз и стояла Алина Трофимова, было производство уникальных радаров, буквально штучным числом, а лампа бегущей волны являлась для этих радаров основным и наиглавнейшим компонентом. Заказчиками у «Микротрона» были и космос, и авиация, и даже подводники. Подобное производство существовало еще где-то за Уральским хребтом и, кажется, в Харькове, но харьковчане уже давно относились к другой державе.

Так вот то, что сделал недавно Димка, было революцией. Размер обычного радара – ну, как батон «Докторской», чуть меньше, чуть больше, но примерно так. А с его новой лампой он получился с мобильник.

И больше ни у кого такого нет. Ноу-хау. Эксклюзив.

Народ по коридору ходил с горящими глазами, распираемый гордостью за Димку и за всю корпорацию в целом, громко хохотал в курилке во время спонтанных летучек, плотоядно потирал руки в предвкушении богатства. Всем грезилась новые заказы, повышение окладов и премии большими ломтями.

Срочно был поднят «под ружье» патентный отдел, который в «мирное время» занимался преимущественно заявками со стороны. Сотрудники этого отдела целую неделю расхаживали с лицами усталыми и такими важными, что всем становилось ясно – после Никина главные они.

Димка же во всей этой суматохе так и остался задумчивым флегматиком, и когда он, неторопливо загребая ногами, вышагивал по длинному офисному коридору, было непонятно – он, вообще-то, осознает, какое деяние совершил?..

Заявка на изобретение была составлена самым дотошным образом. Начальница патентного отдела Киреева Надежда Михайловна, понимая серьезность происходящего, сама обратилась к Алине, чтобы та еще раз все проверила на наличие «дыр». Димку Никина они терзали несколько дней, выясняя все параметры и диапазоны изобретения. Заявочка получилась – пальчики оближешь.

Наконец на прошлой неделе их корпорация получила долгожданное свидетельство. Отделу маркетинга дали отмашку – можно начинать продвижение. На их корпоративном сайте тут же опубликовали новость о новом уникальном приборе с предложениями разного рода сотрудничества.

Не прошло и нескольких дней, как появились заказчики. Небольшую партийку мини-радаров пожелали приобрести деловые и шустрые китайцы и даже выразили готовность оплатить аванс. Одновременно с покупателями появились и желающие скооперироваться, с тем чтобы поучаствовать в процессе производства. Это было весьма кстати, так как поиск таких производственных партнеров для «Микротрона» был делом не только важным, но и безотлагательным.

Дело в том, что, прежде чем обсуждать сделку хоть с китайцами, хоть с кем-то еще, необходимо разработать и изготовить «фантик» для нового радара, иными словами, кожух с панелью управления, а сам «Микротрон» такой возможности не имел. Не было на фирме нужных специалистов и не было такого оборудования. За ненадобностью. Стандартные ЛБВ монтировались в стандартные корпуса и оснащались стандартной же фурнитурой, и это все приобреталось отделом снабжения без проблем и в любом количестве. Поэтому с самого начала руководству «Микротрона» было ясно, что придется искать фирму, которая возьмется за разработку нового корпуса, а лучше и за разработку, и за изготовление.

Все вышло весьма удачно, и партнеры объявились сами. Однако хваткие молодые ребята из Зеленограда пребывали в странном заблуждении по поводу того, кому они предлагают сотрудничество. Видимо, представляли себе наивных и смешных ученых, далеких от всего житейского. Только так можно объяснить их горячее желание максимально оградить «академиков» от контактов с внешним миром. Они предложили взять все хлопоты на себя – разработать чертежи оболочки, изготовить, одеть в нее ЛБВ, провести испытания всей партии и, главное, осуществить поставку готового изделия заказчику. Хороший аппетит, очень хороший аппетит.

Бодались с ними долго. За то, чья будет торговая марка и кто будет значиться изготовителем. За то, с кем же китайцы будут заключать окончательный договор. Иными словами, кто кому будет «отстегивать».

Нахрапистые зеленоградские мастеровые понимали, конечно, что таких, как они, можно по Москве найти не один десяток, даже если нехотя искать, а мини-ЛБВ одна, поэтому долго не упирались и согласились на кооперацию, в которой главенствующую позицию будет занимать «Микротрон».

Следующим шагом должно было стать оформление договора о сотрудничестве, и вот проект этого самого договора так не понравился подозрительной Алине.

– Ну и что здесь не так? – раздраженно переспросил ее Исаев.

– Мне не нравится вот это примечание, – старательно удерживаясь от ответного раздражения, бесстрастно произнесла Алина. – Здесь оговаривается, что после нашей первой поставки они имеют право расторгнуть данный договор. Причем вот тут, пунктом выше, указано, что первую пробную партию ЛБВ в количестве трех штук они у нас выкупают. По смешной цене.

– Вам что, цена не нравится? – взвился Исаев. – Но простите, уважаемая госпожа Трофимова, это уже не ваша компетенция! Вопросы ценовой политики, как вам это может быть ни неприятно, решаются здесь без вас, да.

Обиделся, надо же.

– Викентий Витальевич, смешная цена в данном случае меня не волнует. Поверьте, я не покушаюсь на вашу прерогативу и критиковать вас не собираюсь. Вы вдумайтесь в другое. Зачем им вообще это уточнение?

– Вы что же, полагаете, что наши новые партнеры задумали нас обокрасть? Что они собираются препарировать купленные у нас лампы, дабы разработать свою техническую документацию и самим зарегистрировать изобретение? А что, разве ваш любезный патентный отдел не защитил нас от подобного рода посягательств? Отчего вы так разволновались?

– Я полагаю, что им не понадобится тратить свои деньги и время на регистрацию собственного патента, уважаемый Викентий Витальевич. Потому что, препарировав наши лампы, они смогут в дальнейшем выпускать под нашей же маркой свой контрафакт. Гипотетически, – холодно произнесла Алина. – И тогда мы с вами сделаемся лишним звеном между готовым продуктом и вашими любезными китайцами. Как вам такой вариант?

Исаев примолк. Ему не понравился ход мысли юриконсультанта. Это грозило ему объяснениями с генеральным и новым витком переговоров с зеленоградскими парнями. А вдруг она права? Теперь еще и генеральному небось доложит. Конечно же, доложит.

Финдиректор барабанил пальцами по столу. Алина молчала, возвышаясь напротив. Она не любила расслаиваться в этом кабинете.

Пауза затянулась. Алине это надоело.

– А как они сами объяснили это примечание? Какие доводы привели?

«Издевается, зараза», – с тоской подумал Исаев, мрачно глядя в стол. Он на это примечание даже внимания не обратил.

Алина все поняла правильно.

– Хотя, возможно, я перестраховываюсь. А что за фирма, какие о ней отзывы? Что Павленко говорит?

Константин Павленко был замдиректора по кадрам и имел в мире московских кадровиков широчайшие знакомства. При желании, просто набрав нужный номер, он мог выяснить не только истинный портрет соискателя, но и многое другое, что имеет отношение уже не к сотрудникам, а к самим предприятиям. Говорят, он создал свой собственный черный список фирм и их первых лиц, потерявших на чем-либо честное имя, даже вел рейтинг, пополнял его и вообще относился к сбору подобной информации как к своей дорогой и любимой коллекции. Азартная, увлекающаяся натура.

– Павленко говорит, что фирма новая, – через силу отозвался Викентий Витальевич.

Он сидел, глядя куда-то мимо юристки, и мысленно взывал к высшим силам. Пусть бы высшие силы заставили эту гестаповку прекратить наконец его терзания, пусть бы она исчезла с глаз долой по возможности скорее.

Трофимова вздрогнула и схватилась за правый бок.

– Извините, Викентий Витальевич, – смутилась она, неловко вытягивая из кармана узкого пиджачка трясущийся сотовый. – Я его на вибрацию поставила и забыла совсем.

– Ничего, ничего, Алина Леонидовна, – живо отозвался Викентий, с любопытством на нее поглядывая, – мне было приятно.

И сообразив, что сморозил что-то не то, испуганно уткнулся в бумаги.

Но Алина его уже не слышала.

– Привет, Маргош, – произнесла Алина в трубку. – Подожди, я сейчас найду место потише.

Звонила школьная подруга Рита, или Маргоша, или Ритуля.

Ей нельзя говорить: «Зайду в кабинет». Наличие у Алины кабинета ее ранит.

Со второго класса по поручению классного руководителя Алина ее «тянула». Были двоичники, были отличники. Алина, разумеется, была отличницей и очень положительной серьезной девочкой. Рите, напротив, тройки ставили из жалости.

Когда она выходила к доске или отвечала с места, то так тяжело молчала, соображая, и так невпопад вымучивала слова, а потом так горько рыдала, что их учительница, пожилая Ольга Никифоровна, не выдерживала пытки и быстро ставила ей тройку в журнал. Даже иногда гладила по головке, подойдя к рыдающей нескладехе.

На уроках физкультуры Рита была нелепа и все время отставала и мазала, чем бы они ни занимались и куда бы ни целились.

Илья Семенович, их учитель пения, страдальчески морщился, слушая Ритины рулады. Попытки обучить ее нотной грамоте тоже успехом не увенчались, и Илья Семенович терзать ее прекратил, высказавшись, что соловьи нотной грамоты не понимают, однако поют дивно. Пошутил, наверное.

Алина долбила с ней простые и десятичные дроби, а потом, сообразив, что Ритуля не знает таблицу умножения, долбила таблицу умножения. Они хором повторяли правила про «жи» – «ши», ударные и безударные и перенос по слогам. Они учили английский алфавит и паст индефинит.

Алина не очень-то с ней церемонилась. Орала на нее за тупость, хорошо, что не колотила. И переживала каждый раз, когда подопечную тащили к доске или когда всем классом писали контрольную по математике или дурацкие тесты по ОБЖ. Зато Ритины тройки постепенно из «слабых» становились «твердыми», потом среди них начали мелькать четверки, а сама Рита уже не рыдала, уткнувшись мокрым носом в парту.

Все это началось во втором классе и продолжалось до самого девятого. Учителя облегченно вздыхали, а Риткина мама на Алину буквально молилась. Дочку она растила одна и была женщина простая и постоянно занятая. Тетя Тамара водила троллейбус.

Окончив девятилетку почти на одни четверки, Рита пошла учиться в колледж, и это стало апофеозом всей их педагогическо-воспитательной деятельности. Рита решила учиться на провизора, одолела вступительные экзамены и доучилась до последнего курса, защитив диплом и получив специальность.

Сейчас она работала старшим лаборантом на фирме по производству лекарственных препаратов, а недавно ей еще доверили курировать и склад готовой продукции. Поэтому жизнью своей она была вполне довольна. Если, конечно, Алина не проговаривалась случайно о своем кабинете, о своей машине и об их общей с родителями трехэтажной даче.

Когда Алина наконец устроилась за своим столом и снова сказала «аллэ», то в трубке рыдали. Алина решила, что обворовали Ритулин склад и теперь всю растрату вешают на нее, Ритулю. Или она потеряла деньги, которые копила на шубу. Или ее бросил парень.

– Ты что ревешь? – спросила она сердито. – Парень бросил?

– Еще бы ему не бросить! – агрессивно прорыдала Ритка, а потом, запнувшись, спросила: – А ты откуда знаешь? Звонили тебе? Кто? Кто тебе звонил? Тебе Сергей звонил?

– Радова, успокойся. Как он мог мне звонить, если мы с ним не знакомы? Что у тебя случилось? Отвечай четко и без истерик.

– Я бы посмотрела на тебя, как бы ты сама смогла без истерик, если бы твоя мать такое устроила! – проорала ей в ответ Рита и очень серьезно завыла.

Алина фыркнула. Понятно, очередной Риткин закидон. С тетей Тамарой опять поругались из-за ерунды какой-нибудь.

Хотя, с другой стороны, с чего бы им ругаться, если они теперь отдельно живут? Тетя Тамара замуж вышла и покинула их с Риткой однушку, чтобы дочка могла наладить личную жизнь. Какая все-таки она классная тетка!

– Моя идиотка-мать зарезала отчима, – вдруг внятно произнесла Ритка.

– Что?! – не поняла Алина. – Что?! Я не поняла, говори громче!

– Мать своего Шурика зарезала. Кухонным ножом, – повторила Рита громче. – А на следствии сказала, что приревновала его ко мне. Что я перед ним задом крутила и она не могла этого больше терпеть.

– То есть крутила задом ты, а прирезала его она? – пыталась вникнуть Алина, все еще надеясь, что это дурацкий Риткин розыгрыш. Или что Ритке приспичило выяснить, поверит или не поверит подруга детства, что тетя Тамара на такое способна.

– Ну, – подтвердила Ритка, – а кого? Ну не дочь же резать? Хоть и дрянь порядочная, а все же дочь. Ты представляешь, это она так следователю сказала! Не захотела меня, дрянь такую, жизни лишать!

Тут спокойствие ее покинуло, и Ритка опять взвинтилась:

– На кой фиг мне сдался этот ее старый козел!? Мало того что она его пришила, так еще и в отделение сама пошла, а там гадости про меня наговорила! И Сергей от меня ушел! Сразу же, как я ему про мать рассказала.

Послышались всхлипы, всхлипы усилились, и Ритка отсоединилась.

Алина поняла, что, во-первых, Ритка не шутит, а во-вторых, с ней истерика. Значит, надо ехать и разбираться на месте. Ё-моё.

Алина немного повозилась с замком и решительно толкнула дверь. Вошла в чужую темную прихожую. Хлопнула ладонью по выключателю и осмотрелась. Здесь она не была ни разу, да и бывать не планировала. Но – надо.

Квартира, естественно, была опечатана, но подруга Марьяна разрешила проникнуть, так уж и быть.

С Марьяной они подружились еще на юрфаке. У нее была забавная фамилия – Путятю, но никто из сокурсников даже не пробовал эту фамилию как-то обыграть, найти рифму или что-то еще, что студентам кажется особенно остроумным. Не то чтобы Марьяна отличалась свирепым нравом, однако дразнить ее опасались.

По окончании университета Марьянина деятельная натура занесла ее в ряды столичной тогда еще милиции, а Алина, которой больше нравились сосредоточенное сидение в кабинете и скрупулезное изучение параграфов и формулировок, нашла себя в качестве юрисконсульта. Такая разница в темпераментах ничуть не мешала их дружбе. Они симпатизировали друг другу и говорили на одном языке, а это немало.

Вчера, посетив наплакавшуюся до икоты Ритку и дотошно обо всем ее порасспросив, а потом кое-как успокоив, Алина сразу же позвонила Марьяне на службу.

Та почти полгода как была переведена из своего районного отделения в самое что ни на есть сердце московской полиции – на Петровку.

«Дослужилась, карьеристка», – с усмешкой подумала Алина, но это она так, любя. Марьяна была умна, энергична, зубаста, а кроме того, азартна и удачлива. Неплохой капитал. Семьи у подруги не было, но Алине как-то даже не приходило в голову задаться вопросом – почему? Не рисовался в ее воображении мужчина, которому Путятю стирает носки и гладит рубашки. Видимо, Марьяниному воображению он тоже не рисовался.

Алина ей звонила в надежде, что Машка сможет воспользоваться своими связями и узнает какие-нибудь подробности, так сказать, изнутри. Алина не представляла себе, чем в данном случае могут помочь эти подробности, но ее сознание категорически отказывалось принять и усвоить, что тетя Тамара могла кого-то убить, тем более мужа, тем более пырнуть ножом. Она не алкоголичка, не наркоманка, не подвержена приступам буйства. По крайней мере, ранее в этом замечена ни разу не была. Если это только не внезапное обострение скрытой вялотекущей шизофрении.

Нужно будет все обдумать, может, медэкспертов потребуется привлечь. Нельзя тетю Тамару бросать.

Но оказалось, что Марьяна не просто в курсе, Марьяна это дело ведет. Риткина мамаша явилась с повинной напрямик к ним на Петровку. Это было удачей, если в данной ситуации уместно говорить об удаче.

Марьяна Алину выслушала и сказала: «Ладно, свидание получишь», а потом тут же перезвонила и велела: «Только ко мне сначала зайди».

Все это было вчера, а сегодня с утра вместо работы Алина приехала в эту опустевшую квартиру, ключи от которой ей дала подруга Ритка.

Та наотрез отказалась идти к матери в СИЗО. Рыдала и говорила Алине:

– Я потом, я как-нибудь потом к ней обязательно схожу. Но пока не могу, понимаешь? Не могу! Ты скажи ей, что я заболела, ладно? Что я зайду, как поправлюсь.

Алина старалась понять. Не получилось, хотя она честно старалась.

Она вспомнила, как тетя Тома Ритку любила. И Ритка очень любила мать. А потом выросла и начала матери хамить, они ссорились часто и зло. Куда что делось?..

Алина осмотрелась, соображая, где тут что. Наверное, нужно найти что-то типа спальни, а в спальне уже обнаружится и платяной шкаф. Нужен свитер, носки шерстяные, смена белья...

Обстановка давила. И тишина стояла какая-то затхлая, и воздух казался наполненным ватной жутью. Как будто некто бестелесный и недобрый, растворенный в пространстве стен, встретил ее у входа и теперь с холодной усмешкой рассматривал ее и изучал, и ему было немножко любопытно, зачем она пришла и что собирается тут делать.

Поймав себя на этих мыслях – нет, ощущениях, Алина рассердилась и решительно двинулась исследовать апартаменты. Свернула направо и по узкой кишке коридора вышла на кухню. Кухня как кухня, раньше у них тоже такая была. Линолеум на полу, кафель над мойкой, мебель разномастная.

Она поискала глазами какой-нибудь приемник. На табурете у окна нашлась магнитола: старенький советский двухкассетник «Маяк». Этот аппарат Алина хорошо помнила, это тети Тамарина вещь. В школьные годы, назанимавшись под завязку химией с геометрией, девчонки расслаблялись, слушая по нему «Иванушек» и Таню Буланову.

Привычным движением Алина потыкала по клавишам и, обнаружив в правом кассето-приемнике какую-то кассету, уверенно нажала кнопку воспроизведения. Кухню тут же наполнил хриплый баритон Владимира Семеновича, экспрессивно и со вкусом выводящего что-то о серебряных родниках и золотых россыпях.

«Высоцкий так Высоцкий, главное, пошумней и погромче», – подумала Алина и, более не задерживаясь в помещении, где недавно умирал человек, прошагала в глубь квартиры.

У тети Тамары все было прибрано. Когда она только успевала?

Насобирав по полкам стопку носильных вещей и водрузив сверху на нее пару толстых шерстяных носков-самовязов, Алина отправилась в прихожую – упаковывать собранное. Главное, магнитофон не забыть выключить, а потом бумажку снаружи снова наклеить. В смысле с печатью.

Когда она впихивала тети Тамарин спортивный костюм в дорожную сумку, которую специально для такого дела захватила из дома, Высоцкий на высокой ноте неожиданно смолк, затем раздался тихий щелчок, шипение, затем чье-то невнятное бормотание и громкое «Алё», а после паузы незнакомый мужской голос с надрывом прохрипел:

– Гнида! Ты гнида, понял?! Нет, ты понял?!

Пауза. Шипение. Опять надрывающийся голос:

– Ты ее не найдешь никогда, ты понял?! И пузырь не найдешь, я хорошо спрятал. Задергался, шкура!.. Ты правильно дергаешься... У меня и телефончик ее есть, а ты как думал?..

Голос умолк, лишь тихо шипел магнитофон, перематывая пленку.

Алина замерла на одной ноге, подпирая сумку коленом и стараясь, чтобы вещи не вывалились на пол. Первый испуг прошел. Это же просто магнитофонная запись, и больше ничего. Но кто это говорит?! Может быть, тети-Тамарин муж, теперь уже покойный?

Бросив сумку на полу, она кинулась на кухню, голос вновь рванулся ей навстречу.

– Да пошел ты!.. – зло выкрикнул предполагаемый Шурик, и Алине опять сделалось жутковато.

А голос все говорил и говорил, яростно, с ненавистью:

– Короче, Додик, бабки мне твои на хрен не нужны. А ничего не хочу! Хочу тебя, гниду, проучить, а больше ничего. Таких, как ты, учить и наказывать надо. И учти, больше мы с тобой не...

Магнитофон тихо щелкнул, останавливая кассету, и запустил обратную перемотку. Сторона кончилась. Запись прервалась.

Алина подошла к шипящему двухкассетнику, медленно протянула руку к панели и нажала кнопку «стоп».

Стоп! Рядом красная кнопка «запись». Промаяхнул, значит, Шурик, когда спешил ответить на звонок. Не на ту кнопку впопыхах нажал.

Да, дела...

Алина стояла над магнитолой и думала. Надо отнести кассету Марианне. Сегодня же. Очевидно, имелись у покойного Александра некие запутанные отношения, но вот с кем? С кем?..

Хотя... Нет, не будет она Марианне мозги засорять. У нее на руках и труп, и преступник. А что дела какие-то и с кем-то у покойного были, то вряд ли это напрямую связано с его безвременной кончиной от руки потерявшей рассудок жены.

Но кассету изъять все-таки нужно.

Алина потрясла сумкой, утрамбовывая вещи, застегнула сверху молнию и, окинув напоследок быстрым взглядом кухню, собралась уже на выход, как заметила на подоконнике грустные растения в разноцветных керамических горшках. Собственно, их она видела с самого начала, но только сейчас сообразила, что их не мешало бы полить, а то загнуты. Когда еще Ритка соберется сюда наведаться...

Горшков было три – в одном растопырился матерый столетник, во втором душистая герань разрослась аж на всю высоту оконного проема, между ними красовалась кокетливая сиреневая фиалочка.

«Недокомплект, – сделала вывод Алина, – где-то должны стоять остальные».

Остальные нашлись в комнате, выполняющей роль гостиной, а в спальне никаких растений не было. В гостиной горшков тоже было три: видимо, Тамара Михайловна уважала симметрию. Все правильно – декабрист, каланхоэ и столбик кактуса.

Алина хмыкнула и отправилась на кухню за водой. Она не обнаружила ничего подходящего для полива цветов – ни кувшина, ни лейки, поэтому решила обойтись обычной чашкой.

Чашек и мелких плошек на сушилке было много, чистенькие, они стояли кверху донцами, выстроенные во фронт, но Алина потянулась за той, которую увидела во втором ряду почти у кафельной стенки. Ей вдруг стало неприятно оттого, что она возьмет в руки чашку, из которой перед смертью, возможно, пил воду убитый.

Чашка тормозила, сопротивлялась, не хотела выползть на этот край. Потому что под чашкой обнаружился еще один предмет. Непонятный. Непонятный и необычный.

Больше всего предмет походил на шкатулочку с откидывающейся крышечкой. Или на футляр для маленького, но толстенького флакончика с духами. Или на пудреницу, но как бы это... стационарную... Которую держали в будуарах на своих туалетных столиках дореволюционные барыни и барышни, а может, и купчихи. Они изящно откидывали крышечку, обмакивали в рисовую пыль нежную пуховку и легким движением тонкой кисти проходились ею по бледному аристократичному лицу. Или по круглощечному купеческому.

Алина откинула крышечку, заглянула внутрь, прищурившись. Шершаво и как-то грязновато для пудреницы. Нюхнула. Ее нос уловил какой-то знакомый запах, но это был не парфюмерный запах, а скорее химический. Она задумчиво поставила предмет на кухонный стол и отправилась поливать растения.

Вроде бы не место для такой вещицы на посудной сушилке, а? И чья она? И что она? Голос покойного из магнитофона тоже упоминал, что он, покойный, спрятал «ее» так, что не найдешь.

А чего тут искать? Вот же она, нашлась моментально. Хотя ее, может, и не искали пока? Не искали, но будут? А когда? Или он говорил не о вещи? Или он говорил о человеке женского пола?

Алина взяла загадочный предмет и засунула его в боковой карман сумки, где уже лежала изъятая магнитофонная кассета. Теперь есть смысл все это показать Марьяне. Или сначала тете Тамаре. Правильно, она же сможет сегодня с ней поговорить. Покажет и спросит, что за вещица. Та ей все объяснит, и Алина вернет ее обратно, не заморачивая задерганной Марьяне голову. И вообще, ей пора.

Она оттянула язычок замка, дернула на себя входную дверь и моментально уткнулась носом в светло-серый пиджак и белый с блестками галстук. Пиджак с галстуком были на мужике, а мужик стоял на пыльном коврик перед тети-Тамариной квартирой с поднятой в сторону дверного звонка рукой. Видимо, собирался звонить, когда на него наскочила Алина.

– О! Тамара Михайловна! Здравствуйте. Александр дома?

Алина не сразу нашлась после обращенного к ней «Тамара Михайловна», а незнакомец уверенно продолжал:

– Кстати, великолепно выглядите. Вам не дашь ваши сорок шесть. Тридцать четыре максимум.

Произнеся все это, он вознамерился войти.

– Мне двадцать восемь, – холодно проронила Алина, – и я не Тамара Михайловна.

– Да? – поднял брови незнакомец. – Вам надо сменить прическу, – безразличным тоном констатировал он и подвинул ее в глубь квартиры.

Ситуация Алине нравилась все меньше. Ей и мужик не понравился. К тому же блондин.

Алина блондинов не переносила. Самовлюбленные, кичливые, чванливые, чаще всего дураки. И у всех блондинов, как она заметила, у всех без исключения какие-то птичьи лица. И не благородные орлиные, не подумайте, нет. Воробьиные. Индюшиные. Гусиные. Куриные. И прочее.

Данный красавчик тоже был с острым клювом и тонкими губами. Да еще поросль на голове стянул в жидкий хвостик. Это мы такие стильные, значит. И богатые к тому же. Судя по костюмчику, штиблетам и очкам в золотой оправе. Алина разбиралась.

И длинный, как журавль. Но журавль – птица положительная, а этот – явный мерзавец.

– И кто же вы, если не Тамара Михайловна? – холодно поинтересовался «журавль».

– Представьте сначала сами, – так же холодно парировала Алина. – Хотя мне это неинтересно. Александр умер. Его жены сейчас дома нет. Я здесь потому, что выполняю ее поручение. А теперь мне надо запереть дверь и идти.

В руках она держала бумажный прямоугольник с казенной печатью. И сделала попытку выйти на лестничную клетку.

Пришедший замер, соображая. Выход Алине он не освободил.

– Что за хрень?! Поляна умер? Девушка, вы можете внятно объяснить, что произошло? Он звонил позавчера, злой был, орал, что гнида...

Сердце екнуло, а потом бешено забилося.

– И за что же это он вас гнидой называл? – равнодушно спросила она, сцепив за спиной дрожащие руки.

– Меня? – криво усмехнулся незнакомец. – Он не меня называл гнидой, что вам взбрело? Это он себя так называл. А меня он мог только скотиной назвать.

– А вы скотина? – зачем-то спросила она.

– А что, похож?

– Я вас не знаю, – схамила Алина.

Тип посмотрел на нее вдумчиво. Задал вопрос:

– Девушка, так вы, может, начнете уже?

Алина уставилась на него, возмущенно блестя очками.

– Тормоз... – с досадой пробормотал не гнида, но скотина.

Он снова внимательно посмотрел на Алину и заговорил с ней так, как обычно разговаривают со слаборазвитыми детьми или глухими стариками:

– Меня зовут Егор Росомахин.

Алина моргнула и с подозрением посмотрела на него. Нет, вроде бы серьезен. Ну, Росомахин, так Росомахин. Кто-то ведь должен быть Росомахиным.

– Алина, – отреагировала Алина, ничего не добавив сверх.

– А теперь, добрейшая Алина, расскажите, пожалуйста, что здесь произошло? Объясняю интерес. Мы дружили с Сашкой Поляничевым еще со школы. Одноклассники мы. Учились вместе. Пока все ясно? Отличненько. Идем дальше. Он мне позвонил позавчера ночью, был пьян, расстроен, просил, чтобы я приехал к нему прямо сейчас. Ночью то есть. Фирштейн? А я в это время в другом городе был. Когда вернулся в Москву, сразу же его набрал, но безрезультатно. Потому что трубку он не снимал. Поэтому я решил наведаться сам. А тут вы, и никакого Поляны. Все ли я доступно объяснил, добрейшая Алиса?

– Вполне, – наливаясь яростью, медленно процедила Алина. – По дороге на первый этаж я вас проинформирую. А теперь попрошу! – и она холодно, с достоинством и очень высокомерно указала Егору Росомахину на дверь.

Она не простит ему ни «Тамары Михайловны», ни «тормоза», ни в придачу «добрейшей Алисы», ни того, что сам он хам, мерзавец и блондин.

Алина полезла в сумку за ключами, но никак не могла их выловить, все что-то попадалось не то. А когда ключи нашлись и она потащила их наружу, то, опережая связку, из кармашка выскочила и покатила по бетонному полу лестничной клетки непонятная вещица из старинной жизни московских барынь.

Человек, стоявший на пролет выше, скверно выругался сквозь зубы. Он-то сразу узнал эту вещь. И она ему была нужна позарез. Просто до смерти она была ему необходима.

Значит, не только ему? И откуда взялась вот эта шалава?

Он поздно пришел. Ну не мог он прийти раньше! Он пришел и сразу увидел ффраера в костюме возле двери нужной квартиры. Тогда он поднялся выше, замер, принялся аккуратно наблюдать. Думал, тот позвонит в дверь и отвалит. В квартире-то никого. А вышло иначе.

Интересно, срисовал его ффраер? Вроде не должен, типичный менеджер среднего звена. Кроме себя великолепного, никем не интересуется.

Но откуда эта шалава близорукая нарисовалась? Ну что за непруха, блин, и так все хреново, а тут еще такой облом! Может, девка вещь подхватила случайно?

Вряд ли, вряд ли!.. Он же искал. И проверил все места, где обычно лохи прячут, – унитазный бачок, морозилка, крупа, прочее, прочее... Не нашел. Ему бы времени побольше, но помешали. Хотя где еще-то смотреть? Шмонать все без разбору?

Вот он и вернулся пошмонать. И опоздал. А девка, видно, знала, видно, урод ей растрепал. Заодно, значит? Да кто хоть она такая?!

Человек вытащил из внутреннего кармана консервативного твидового пиджака трубку оптического прицела. Отличная вещь, компактная, но увеличение дает хорошее. Придвинулся к окну. Окно выходило во двор, прямо на стоянку. Шевеля губами, напряженно вгляделся в неясные цифры на номерном знаке. Хоть что-то.

Егор Росомахин откинулся в пассажирском кресле и с отрешенной полуулыбочкой поглядывал то на водителя, то сквозь лобовое стекло, то по сторонам, любуясь убегающими назад видами.

Ловко у него получилось попроситься в попутчики, жаль, что до сих пор не знает зачем. А теперь еще и за своим «Фордом» придется возвращаться в эту промзону. Ну хорошо, не промзону. В этот центр культуры и цивилизации.

Он не любил блондинок. Особенно натуральных. Чего спросить с крашенных? Дуры и есть. А вот натуральные... Притом что они, как правило, невзрачны, с бесформенными носами и вялой кожей, блондинки натуральные самодовольны и обладают раздражающей уверенностью в своем фатальном влиянии на всю самцовую часть человечества. Идиотки. И стервы.

И чего он к этой прицепился? Еще и уговаривал. Придумывал. Объяснялся. Не сразу, кстати, получилось. Он мог бы, конечно, наплести что-то насчет внезапно обрушившегося урагана чувств, невозможности расстаться навеки и навсегда потерять, и она повелась бы! Любая повелась бы, и эта не исключение.

Но сегодня он решил быть креативным. Поэтому он, доверительно понизив голос, признался, что не все ему в этом деле с убийством понятно, что он не верит, что это Тамара, ну и так далее. Хотелось бы услышать ее мнение на этот счет.

Девушка кивнула, и вот он здесь, в ее тупорылой японской машинке желтенького цвета. Хорошо, что не в розовый горошек. Хотя подушка в виде розового слоника на заднем сиденье присутствует. Бр-р...

На самом деле он отнюдь не был уверен, что такая растеклась бы, услышав пошленькие сигнальные фразы, которыми сейчас всю пользуется основная часть мужского населения для межполовых вербальных контактов. А проще – для склеивания телок, и телки с радостью склеиваются.

Егор скосил глаз, чтобы посмотреть на ее профиль, и решил – не растеклась бы. Может, поэтому Егору Росомахину и захотелось ее склеить? Он любил сложные задачи.

Конечно же, именно из-за этого. Потому что натуральная блондинка понравиться ему не может никогда. А неплохо, кстати, она держится за рулем.

Был еще нюансик. Смешно даже. Запах «Клима».

Как-то он подарил ярко-голубую коробочку Корнелии, а она расхохоталась и даже красивый шелковый бант, которым та коробочка была украшена, развязывать не стала.

Когда отсмеялась и промокнула подушечками пальцев уголки безукоризненно накрашенных глаз, пояснила с улыбкой:

– Не обижайся, Ёжка, я не смеюсь над тобой, а радуюсь! Значит, врут про тебя бабы из отдела рекламы, и вовсе ты не бабник, душа моя. Иначе ни за что не принес мне вот этот нафталин.

Егор за «нафталин» обиделся, причем как-то всерьез, по-детски. Но, конечно, смешливой Корнелии он об этом говорить не стал. Как, впрочем, и про то, что бабы из отдела рекламы все-таки не врут. Зачем ей это? Узнает сама со временем.

А идиотская женская манера презирать то, что, по чьему-то там авторитетному мнению, уже устарело или, как они любят выражаться, «в этом сезоне перестало быть актуальным», его до невозможности бесила. Какая-то вселенская тупость. Прошлогодня коллекция – фу, отстой! А свежее дерьмо – это да, это вандефул! Коровы.

Его папаня, которого с недавним появлением в семье внука – сестра Ленка родила – теперь зовут исключительно «дед», в былые годы служил управляющим в отделении Госбанка, в те недавние и такие уже далекие времена, когда Госбанк еще существовал.

Егор по малолетству в подробности не вдавался, откуда у простого советского банкира «Волга» и прочее – значит, зарплаты такие. Но в их семье никогда не было необходимости вести дружбу с «завсклад-товаровед». У них в семье и без этой дружбы всегда все было.

Маманя легонько трудилась ассистентом на кафедре иностранных языков в текстильном институте, студентов своих не обижала, при дележке учебных часов в драки с коллегами не вступала. За что, кстати, была осуждаема теми же коллегами.

Зависть и осуждение – что может быть ближе и понятнее любой человеческой душе? Маманя ни от кого не скрывала, кем и где работает ее муж. Да и скрывать в те времена было бессмысленно.

Зато студенты ее любили. Зато каждый день в три часа пополудни она уже была дома. Зато на два летних месяца в отпуск, какая прелесть!

«Клима» как раз и подарили ей благодарные студенты. Аромат ей не особенно понравился, сморщила нос, говорит «пошлость какая». Ее по тем временам что-то это такое прикалывало: «Испахан» или «Тайна Роша». Но, конечно, своим школярам она ничего такого не сказала. Тем более что зачет «автоматом» они получили сначала, а только потом преподнесли мамане презент.

А Егору духи понравились. Он открывал флакончик и втягивал носом запах, и чувствовал – вот красота. Бывает на картинке, а тут – в воздухе. Было ему тогда лет одиннадцать, что ли. Уж сколько времени прошло, сколько всего всякого с ним случилось, а волшебство чистого аромата не покинуло, не исчезло.

И вот эту тонкую вуаль старомодных «Клима» его нос безошибочно учуял в тесной прихожей Сашкиной квартиры. Он даже ноздрями слегка пошевелил, чтобы убедиться. Убедился, удивился. Пахло именно «Клима» и именно от нее, от этой манерной девицы, молодой, зубастой и отнюдь не бедной. Он разобрался.

Так. Кому он рассказывал про свое пристрастие? Никому вроде бы. Только семья и знает.

Егор хмыкнул. Додумался, параноик, заговор мерещится. И он опять искоса взглянул на девушку за рулем.

Беленькая. Худенькая. Заносчивая. Одета как-то уж слишком четко. И слишком официально, даже с перебором. Может, на работу собралась? Белая блузка, застегнутая под горло, куцый черный жакетик без воротника и брючки в клетку, черно-белую, естественно. На ногах туфли на шпильках, отчего-то вишневые. Строгая прическа из гладких волос. В голове у такой должны тесниться исключительно балансы с отчетами и бюджетными статьями. Или она не бухгалтер? А кто, интересно? Может, спросить?

Его вдруг стало тяготить молчание, и он завозился на сиденье.

А вот эту черно-белую, кажется, оно нисколько не тяготит. Нетипично. Она просто обязана забрасывать его вопросами и высказывать различные мнения. А не высказывает.

«Может, она робот?!» – в шутку испугался Егор.

Как же, робот она! В Сашкиной квартире она так уморительно шипела и метала молнии через очки, что, будь она роботом, у нее давно перегорели бы контакты.

Егор подумал: «Кстати, а чего я жду? Прикольная девчонка, действовать надо. А то выкинет возле метро, и все, тю-тю. Будешь снова нюхать «Клима» из флакона».

И тогда он спросил, подбавив в голос умеренной озабоченности, а не хочет ли Алина поведать, что именно показалось ей странным? Ей ведь тоже что-то показалось там странным? Давайте сравним! И обсудим!

Хотя ничего странного в ситуации со смертью Сашки Поляничева он, к сожалению, не увидел. Жуткая история, конечно. Но бывает, дело житейское.

Только Сашку жалко. Балбес, но человек. Бывают роботы, бывают и скоты, а Поляна был человеком.

Напрасно он с этой теткой связался, с Тамарой. Она еще и старше его лет на десять. Естественно, ревность – классическая картина.

Алина покосилась. Молчит. Видимо, размышляет, можно ли ему, Егору, доверить свои выводы. Он ухмыльнулся.

Должно быть, она сильно задумалась, если не отреагировала на светофор. Точнее, поздно отреагировала. «Ниссан», шедший впереди, на красный свет остановился, а вот Алинина «букашка» запоздала. Глухой стук, толчок, приехали.

Двери «Ниссана» распахнулись, и из его нутра выкарабкались неспешно два добрых молодца и так же неторопливо приблизились к точке тычка. Изучили повреждение. Оно было. Вмятинка на бампере.

Молодцы набычились и одновременно взглянули через лобовое стекло внутрь «букашкиного» салона. Им хотелось скандала. Им захотелось скандала еще сильнее, когда сквозь стекольные блики они рассмотрели, кто же там за рулем. Один из них стукнул кулаком по капоту своей машины, подогревая ярость, второй злобно сплюнул, и оба они нацелились вытащить эту чмошницу из-за штурвала, чтобы от души поговорить.

Егор приготовился вмешаться. Но, взглянув на Алину, о своем намерении забыл, и было от чего. Алина разглядывала мальчиков из «Ниссана», и при этом вид у нее был не ангельский. Скривившая губы недобрая усмешка, оценивающий прищур глаз. Потом она что-то прошипела сквозь зубы, стукнула ладонью по рулю и распахнула настежь дверь.

Парни не насторожились. Да с чего бы? Не насторожились и на ходу не перестроились. Им не следовало ее обижать, а они обидели. Не надо было обзывать ее безмозглой курицей, пустоголовой овцой и тем более обезьяной с гранатой. И не надо было грозить. И про папика, который теперь будет им должен отстегнуть за ремонт их крутой тачки, тоже говорить было необязательно. Они увлеклись. Потому что на самом деле им все это очень нравилось. А что, хорошая разрядка. Тем более что на пассажирском сиденье виновницы ДТП Саша Невского не наблюдалось. Сами-то они были ого-го: ручищи, плечищи, кулачищи.

Но они не успели озвучить, сколько должен будет им ее папик. Алина выскочила из машины, крепко хлопнув дверцей. Она остановилась напротив двух больших парней и, не вынимая рук из карманов офисных брюк, лихо сплюнула на асфальт возле колеса тюкнутого «Ниссана». Она рявкнула так, что привычные ко многому парни от неожиданности вздрогнули. В приступе мощного куража она смяла их наглый натиск, оглушив каскадом свирепых угроз, но не смысл был важен, а напор. Она резко выдернула из кармана руку с растопыренными пальцами, собираясь, по всему видно, сотворить одному из обидчиков великую шмась. Тот испуганно отшатнулся, уворачиваясь от надвигающейся на его физиономию маленькой, но крепкой пятерни с длинными перламутровыми коготками. Напор был силен и страшен.

– Вам, блин, страховки мало?! – орала она, набирая обороты. – Папик!.. Губы раскатали! Научитесь сначала ездить, прежде чем выбираться из-за МКАДа! Мотайте живо отсюда, пентюхи деревенские, а то щас как вмажу!..

И она энергично отвела назад ногу, нацелившись вмазать острым мыском классической лодочки по коленной чашечке ближайшего к ней «пентюха».

Тот резво отпрыгнул, пошатнулся и схватил напарника за рукав. Алина ругнулась еще раз и, развернувшись к их автомобилю, яростно ткнула шпилькой в свеженький мишленовский протектор. А потом еще раз. И еще. С экспрессией и азартной злобой.

Парни, молча и не сговариваясь, по-быстрому загрузились в свой «Ниссан» и на желтый свет проскочили перекресток.

Наблюдавший за всем этим действием Егор подумал: «Ого, какой темперамент», а когда Алина плюхнулась на водительское место, уважительно произнес:

– Круто. Кто научил?

– Не понимаю, о чем вы, – произнесла недовольным тоном Алина, поворачивая в замке ключ зажигания.

Они поехали дальше.

Потом Алина спросила, где его высадить. Он ответил, что у метро, и она кивнула, не отвлекаясь больше от дороги. Что же касается Егора, то после увиденного на перекрестке его

так заинтересовала эта воинственная козявка, что сосредоточиться на вдумчивом разговоре о подозрениях и прочих неясных фактах, связанных с убийством Поляничева Сашки, он уже не мог.

Алина, не доезжая до метро «Новокузнецкая», вдруг резко взяла вправо и, пробурчав извинение, довольно ловко припарковалась у тротуара.

Она сказала: «Я на минуточку» – и скрылась в дверях крошечного магазинчика с готической надписью на вывеске «Антиквариат».

Прошло больше минуточки. Минут двадцать примерно. Он отбросил в сторону журнал «Вокруг света», валявшийся рядом с розовым слоном на заднем сиденье – странный выбор для офисной барышни, – и уже хотел вылезти, чтобы размять ноги, но тут Алина вышла. И вышла она не одна, а в сопровождении тех самых пентюхов из-за МКАДа. Как это он просмотрел их? Зачитался, значит.

Вид у воинственной козявки был взъерошенный и, кажется, напуганный. Егору это не понравилось. Он проследил глазами, как тройца проследовала в сторону переулка и свернула за угол. Потом Егор услышал, как пискнула сигнализация и захлопали дверцы.

Он тупо смотрел на пустое водительское место, а потом, не вылезая из машины, с кряхтением перебрался за руль. Ключа в замке, естественно, не было. Он бы удивился, если бы *такая* оставила ключ в замке зажигания.

Быстро осмотревшись, он выдрал проводку, как часто это делал во времена пустоголовой юности, и завел автомобиль. А тех гоблинов он догонит. Никуда не денутся.

Алина хорошо управлялась со своей машинкой, легко и уверенно. Но тип рядом ее нервировал. Зачем она согласилась его подвезти? Он сказал, что в его автомобиле внезапно что-то сломалось и что неужели она отправит его на такси...

«А почему бы и нет, собственно?» – хотела спросить Алина, но тип удивил словами: «Мне кажется, что в этой истории все не так просто», и она не устояла.

Хотя зачем ей такой советчик? И как можно ему доверять, если десять минут назад Алина от страха чуть не потеряла сознание, решив, что он именно и есть та самая «гнида», с которой разговаривал по телефону муж тети Тамары, а значит, возможно, причастен к каким-то темным делам или даже к самому убийству?

Но что сделано, то сделано. Теперь придется долго везти его до метро, а если он начнет задавать вопросы, отвечать скупой и уклончивой. Отвечать скупой и уклончивой Алина умеет превосходно – профессия такая, но, когда нужно следить за дорогой, контролировать ход беседы трудно, можно только болтать.

Мысли Алину никак не отпускали. Однако искать ответы бесполезно, если фактов так мало. Нужны факты. Нужны эксперты. Тут в голове у нее возникла неплохая идея. Надо будет попробовать.

За всеми размышлениями Алина «зевнула» и желтый, и красный, и в результате впереди образовалась чужая мятая задница. Вот только разборок с дорожной полицией сейчас не хватало! Это пока их дождешься...

«Попробуем по-хорошему», – настроилась на позитив Алина. А потом посмотрела на жертв ДТП и поняла – по-хорошему в другой раз, не сегодня. Таким мальчикам дорожная полиция тоже не нужна, они жаждут крови.

Пришлось влезать в костюм безумной мыши, но свинопотамы сами запросились.

Когда Алина, полюбовавшись сигнальными огнями сбежавшего с поля боя противника, вновь уселась за руль, то столкнулась взглядом с этим Росомахиным, который пялился на нее с не совсем понятным выражением на ошарашенной роже. Плевать. Сейчас мы избавимся от вас, милейший, и больше никогда не увидим ваш мужественный длинноносый профиль. И ваш brutальный тонкогубый фас.

Алина уверенно держала машину в левом ряду, когда вдруг на правой стороне улицы увидела любопытную вывеску. Такие магазинчики частенько попадаются на Старом Арбате или на Тверской, но она не ожидала увидеть антикварную лавку тут. Это судьба, надо действовать. Она же хотела мнение специалиста? Именно здесь она его и узнает.

А пассажир подождет, ничего страшного. Или пусть чапает до метро ножками. Всего-то два квартала. Но пассажир решил ждать.

Алина вошла в магазинчик и осмотрелась. Свет от ламп яркий, а кажется, что вокруг теплые сумерки. За прилавком пожилой дядька в одежде как из театральной костюмерной. Это первое, что пришло Алине в голову, когда она рассмотрела его атласный жилет и шелковый галстук, завязанный широким узлом. И жилет, и галстук ей напомнили пьесу Островского «Лес», которую всем классом они ходили смотреть в Малый театр.

Витрины товаром перегружены не были, реденько так он расположен, с пробелами. Несколько фарфоровых балерин, два помятых самовара, патефон, рядом стопкой граммофонные пластинки, бронзовая лошадь с крыльями, темный натюрморт с дохлой перепелкой и, конечно, иконы, много старых икон. Под стеклом прилавка – монеты, значки, ложки, вилки, часы. Еще что-то по мелочи.

«Интересно, как он отбивает аренду? – подумала Алина, ознакомившись с пятизначными цифрами на ценниках. – Покупателей-то негусто».

Из покупателей была только одна дама, которая, склонившись к прилавку, изучала содержимое витрины. Больше никого. Дама выглядела тоже необычно, одета она была не модно, но с шиком, и шик этот был хоть и странным, но притягательным.

На голове у нее сидела крохотная соломенная шляпка, украшенная букетиком фиалок. Бумажных, естественно. Поверх облегающего темно-синего крепдешинового платья послевоенного кроя на ней был надет длинный кружевной жакет, связанный, видимо, на коклюшках. По крайней мере, при виде жакета у Алины всплыло в памяти слово «коклюшки». Туфли тоже были необычные, с тяжелыми кожаными бантами по бокам и толстым каблуком, сильно скошенным внутрь. «Винтаж», не иначе. Винтажная дама отлично вписывалась в здешний интерьер.

Жилетно-галстучный продавец с достоинством повернул голову в сторону массивной двери, в которую только что вошла Алина, и церемонно спросил:

– Вам что-нибудь подсказать, барышня?

– Да, будьте любезны.

И Алина выложила перед ним то ли шкатулку, то ли пудреницу. Спросила, не подскажет ли, что за вещь и какова ей цена. Про цену это она так сказала, для конспирации.

Антиквар, не притрагиваясь, молча рассматривал принесенную вещицу, изредка бросая на Алину цепкий взгляд. Потом произнес медленно и весомо:

– Это чернильница, каслинское литье. Работа начала века. Не раритет, естественно, но в определенных кругах... Однако, хочу вас огорчить, она из письменного набора. Отдельно вряд ли что вы за нее выручите. Хотя... есть у меня один знакомый коллекционер, он интересовался недавно. Вы не особенно торопитесь? Я ему наберу, и он сразу же вам ответит.

Алине ничего не оставалось делать, как согласиться. И она согласилась.

Антиквар ушел куда-то на задки, за пыльную бархатную портьеру, пропадал минут десять. Вернулся, лучась радушием, приветливостью и даже счастьем. Он заискивающе спросил Алину, не затруднит ли ее немножко обождать, прямо тут, в его магазине.

– Видите ли, сударыня, – слегка суетливо объяснил он свою просьбу, – мой друг чрезвычайно рад, что чернильница нашлась, и пожелал моментально сюда приехать и лично с вами, моя царица, переговорить на предмет ее у вас приобретения.

Кажется, он немножко нервничал и заметно перегибал в этикетке палку.

– Он тут совсем недалеко живет, минут пятнадцать на машине, не больше. Так как, сударыня, подождете?

«Сударыня» кисло кивнула. И зачем? Сказала бы, что некогда, тем более что продавать чужую вещь она не собиралась. А вдруг она получит от этого коллекционера какие-нибудь дополнительные сведения? Например, настолько ли ценна данная штукавина, чтобы ради ее приобретения пойти на преступление? А что, хороший вопрос. Нужно только его завуалировать.

Через пятнадцать минут в дверь магазина вошли двое, и она, кажется, их уже знала. «Пентюхи из-за МКАД». Один остался у входа, второй подошел к продавцу и о чем-то его тихо спросил. Продавец утвердительно мотнул головой в сторону Алины. На нее он больше не смотрел.

Винтажная дама поспешно вышла на улицу. Видимо, устала рассматривать витрины.

Тогда один из них подошел к Алине вплотную и тихо произнес:

– Пойдем-ка с нами, детка.

И откинул полу пиджака.

Алина обернулась к антиквару и сказала:

– Ну ты и гнида.

Хорошо за кем-то гоняться по центру. Улочки узкие, многие с односторонним движением. Знакомый «Ниссан» обнаружился быстро.

Егор ловко подрезал крутым ребятам «нос» и перекрыл им дорогу, раскорячив желтую японскую машинку поперек полосы. «Ниссан», завизжав тормозами, послушно замер.

«Что бы такое предпринять?..» – раздумывал Егор, неторопливо подходя к запечатанному на все двери и окна внедорожнику.

Еще тогда, на перекрестке, он смог хорошо разглядеть этих горилл. На бойцов какой-нибудь группировки они никак не тянули. Скорее на соучредителей фирмы по продаже унитазов или строительного инвентаря. Вряд ли у них есть при себе оружие, и, даже если есть, вряд ли они сейчас решат им воспользоваться. Но с голыми руками ломиться к ним все же глупо.

В бардачке «Сузуки» он смог обнаружить только аэрозольный баллончик с перцем от собак и хулиганов. В багажнике шарить ему было некогда, но что-то ему подсказывало, что ни большого гаечного ключа, ни бейсбольной биты он там тоже не найдет.

Егор подошел к дверце водителя и вежливо постучал по стеклу. Тот не обратил на него внимания. Он был занят тем, что спешно выкручивал руль, намереваясь дать задний ход и продолжить движение, но уже без Егора.

Егор пожал плечами и начал выламывать поводок у дворника.

Водитель опустил стекло и, вытянув руку, попытался ухватить Егора за галстук. Егор от водительской клешни увернулся, ткнул в открытое окно аэрозольный баллончик и пшикнул хорошую порцию красного мексиканского перца. Водителю стало не до разборок, он плакал и кашлял.

Егор, сунув руку в салон, разблокировал замок. Распахнул дверцу и вытянул пострадавшего от перца наружу, чтобы тот своим кашлем и соплями не мешал вести переговоры.

Пострадавший, навалившись массивной тушей на багажник, надсадно кашлял, отплевывался, тер пятерней слезящиеся глаза и в промежутках сыпал угрозами.

Егор, не обращая внимания на угрозы, бочком присел на освободившееся место, спустив на асфальт длинные ноги.

Второй похититель сидел на заднем сиденье в обнимку с Алиной. Партнеры, видимо, здраво рассудили, что не стоит эту психопатку оставлять у себя в тылу без присмотра.

Алина посмотрела на Егора виновато и тихо сказала: «Хай...»

– Дома поговорим, – сурово отрезал Егор и обратился к тому, кто сидел с ней рядом: – Вы у меня тело похитили. Попрошу вернуть.

Сидящий рядом с Алиной показал зубы и дуло пистолета.

– Ну и чего? – спросил его Егор. – Я такие уже видел. Или намекаешь, сынок, что воспользуешься? Наверное, ты думаешь, что перед тобой лох и что он в одиночку полез на вашу тачку? Ты-то сам как думаешь, лох я или не лох? Давай-ка кончай ломать ваньку и отдавай мне это тело. И вам с напарником ничего не будет.

Водитель в это время кое-как очухался и, не переставая тереть слезящиеся глаза, обиженным быком ринулся на Егора, желая выдернуть его со своего места и, как следует накостыляв, поехать наконец дальше.

Егор, быстро подтянув колени, лягнул его обеими ногами в живот. Водитель, сдавленно хрюкнув, грохнулся задом на асфальт, здорово приложившись при этом затылком. Второй тоскливо посмотрел на своего напарника, щупающего сардельками пальцев пострадавшую часть, потом перевел взгляд на нескольких любопытных пенсионеров, замерших в отдалении, на мелькнувший вдали сине-полосатый бок полицейского пикапа и мрачно пробормотал:

– Ничего не будет... Это как сказать. А почему «тело», в натуре?

– Непонятно? Я вот у нее телохранитель. Представляешь размер проблемы?

Алину они отпустили. Без извинений, но и без угроз. Просто открыли дверь, а потом очень быстро убрались, с ходу перестроившись в левый ряд.

– Да нормальные вроде пацаны, а? Как вы считаете, Алина? – это первое, что произнес Егор, запуская двигатель.

Он сел за руль сам, Алина не возражала. Она понимала, что должна ему какие-то слова, но не знала, какие лучше. Какие вообще. Ведь она так испугалась. Она уже успела представить все самое худшее. Подруга Марианна много случаев из своей практики рассказывала.

Меньше всего Алина рассчитывала на помощь Егора. Даже в его сторону не посмотрела, когда эти двое вывели ее из лавки антиквара.

– Сволочь! – с чувством выругалась она.

– Простите... Это вы мне? – невозмутимо отреагировал ее новый знакомый.

– Нет, – с уже набирающим обороты негодованием произнесла Алина, – нет, конечно, как вы могли подумать! Я вам обязана...

Егор хмыкнул. А чего он ждал, собственно?

– Не нужно меня благодарить. Я просто подумал, что последнее слово все же должно остаться за дамой. И если дама однажды уже сказала, что за бампер они платят сами, то и пусть платят сами.

– Бампер?! – воскликнула Алина. – Их бампер тут ни при чем, Егор!

Ему понравилось. Понравилось, что она наконец-то произнесла его имя. И если бы похищения никакого не было, его следовало бы устроить. Пошленький прием, избитый, дорогостоящий, но какой эффект!

Потом до него дошла суть высказывания.

– А что при чем? – поинтересовался он безразличным тоном. – Может, расскажете? Хотя не настаиваю. Куда вас везти?

И у Алины появилось вдруг сильное желание все ему рассказать.

Что она вдруг растаяла-то? Алина знала. Он повел себя по-мужски, это завораживает.

Попала под притяжение сильной личности, и оттого захотелось довериться и вверить? Как пошло. Пошло и примитивно. Может, еще и понравился тебе этот тонкогубый супермен, идиотка? Нет, не понравился? Уф, уже хорошо. Тогда что же? Редкий экземпляр, изучить желать? Ну-ну, только не заиграйся. Прилипнет – не отделаешься потом.

Тут Алина сказала сама себе, что она устала от рефлексии. Что ей надоело. Что у нее голову стало ломить от самопрепарирования. Или автопрепарации?

И она рассказала Егору о странном предмете, который оказался чернильницей. Только о чернильнице. Ни о каких кассетах с песнями Высоцкого. И еще о сволочном антикваре.

– Можете ее показать? – не отрывая взгляда от дороги, равнодушным тоном спросил Егор.

– Не могу, – язвительно ответила Алина. – Потому как отобрали. Эти два жлоба и отобрали. И расписки не оставили.

Какое-то время они ехали молча, а потом Егор, недобро улыбнувшись, выкрутил руль, развернулся и направил машину в обратную сторону.

Зот Орестович чистил бронзу. Он чистил ее медленно и вдумчиво специальной щеточкой, чтобы медь, входящая в состав этого благородного сплава, не потемнела от агрессивного воздействия влаги и не окрасилась на крыльях и хвосте вот этого довоенного Пегаса в постыдный грязно-зеленый цвет. Не отчистишь потом и не продашь.

В лавке было пусто. Зоту Орестовичу никто не докучал просьбами что-то показать, не надоедал вопросами о том, каков возраст того или иного артефакта, а также сколько в рублях тот артефакт стоит. И это его ни в коей мере не огорчало.

У него салон, а не пивная. И не покупатели, а клиенты. И он не нуждается в очередях, как какой-нибудь бакалейщик, потому что работает «под заказ». У него постоянный круг солидных заказчиков, и среди них такие люди, что самому Зоту Орестовичу иной раз бывает не по себе.

Зот Орестович по паспорту был Александр Иванович, а по фамилии Самолетов. Не цеховая фамилия и не подходящее для его бизнеса имя. Поэтому он стал Зотом Орестовичем.

Антиквар – это тот же деятель искусства, а значит, ему нужно работать в должном антураже. Без него дело с места не сдвинется, и подходящее имя в антикварной торговле значит не меньше, чем имеющаяся в магазине конторка мореного дуба или счеты из карельской березы, соседствующие с современным кассовым аппаратом.

Мелодично звякнул наддверный колокольчик. В салон решительно вошли двое – высокий мужчина с желчным лицом скандалиста и чопорная девица, причем девицу эту он совсем недавно видел. Странно.

Странно, что она так быстро вернулась. А если быть точным, то странно, что она вообще вернулась. Нехорошо.

Мужчина спокойно прошествовал к прилавку, остановился напротив антиквара, сунув руки в карманы брюк, и вполголоса задал вопрос:

– Вы помните эту девушку, любезнейший?

– Нет, – моментально отозвался Зот Орестович.

– Не помните? Это странно. Потому что именно из вашей лавки ее увели силой два нехороших человека примерно час назад. Вспомнили?

– Нет. Не знаю. Не обратил внимания.

– Что ж так? Покупатели замучили? Большой поток?

Зот Орестович предпочел промолчать.

«Видали мы таких, – подумал про себя циничный и бывалый антиквар. – Ну а что предьявить-то ты мне сможешь?»

И незаметно улыбнулся в реденькие усы.

Мужчина поразглядывал бывалого минуту и продолжил:

– Эта молодая дама – сестра президента. Я ее личный телохранитель.

Он почтительно склонил голову в сторону девушки. На ее лице не дрогнул ни один мускул.

– Какого? – глупо спросил его антиквар.

– Что – какого?

– Президента, я спрашиваю, какого?

– Бывшего, – с раздражением в голосе ответил мужчина.

– Да? – высказал недоверие антиквар. – Я бы скорее предположил, что она ваша сестра.

Девушка с возмущением уставилась сначала на антиквара, затем на своего спутника. Потом снова отвернулась, задрав подбородок еще выше. Ее телохранитель сдвинул брови и угрожающе зашевелил ноздрями.

Зоту Орестовичу это не понравилось, и он слегка струхнул. Мало ли психов?..

– И что же вы от меня хотите? – нервно произнес он.

– Мы хотим знать, кто были эти люди, а также кому вы звонили перед тем, как они здесь появились.

– Помилуйте, господа, но откуда же мне это знать? Не могу я этого знать, это просто какие-то случайные проходимцы. К моему салону все это не имеет никакого отношения, уверяю вас! А звонил я своему знакомому, но он приехать так и не смог – неотложные дела, он перезванивал мне позже, но девушка в это время уже ушла. Поверьте, я к этому возмутительному инциденту никакого отношения не имею, клянусь!

– Так, – накаляясь, выговорил телохранитель, – так. Нам не хотелось вас наказывать. Слишком вы мелки для этого! Нам только нужна информация. Но раз вы упорствуете... Желаете познакомиться с нашей службой безопасности?

– В смысле? – решил уточнить тертый Зот Орестович.

– В смысле, что они тут неподалеку, в своем «Хаммере» сидят. Только и ждут сигнала.

Один момент.

И он решительно вытащил из пиджака мобильник.

Антиквару стало как-то беспокойно, но позиций своих он так просто сдавать не собирался. Тоже, сестра президента!.. Чушь какая! Хотя, конечно, если на понт его хотят взять, то не стали бы такой статус себе присваивать. Выбрали бы кого поправдоподобнее, да хоть бы и губернатора Подмосковья!..

Зот Орестович забеспокоился сильнее.

И тут девушка раскрыла рот. Заговорила она тоном таким возмутительно высокомерным, что циничный антиквар от души посочувствовал ее прислуге. А кому же? Слуга бесправный и есть при такой вот нанимательнице.

– И что вы собрались делать, Тимофей? – с надменной издевкой спросила она.

Ее телохранитель даже вздрогнул. Совсем запугала мужика. А ведь впечатление слабака он не производит.

– Э-э-э... – проблеял он. – Вызывать полковника с людьми. Вы позволите, Ангелина Анатольевна?

– Стул подайте, – распорядилась дамочка.

Тимофей потрусил за прилавок, выхватил оттуда стул, поставил посреди магазина, а потом на глазах пораженного Зота Орестовича извлек из нагрудного кармана пиджака ослепительно белый, отглаженный и чуть не накрахмаленный носовой платок и постелил его на сиденье.

Дамочка, пренебрежительно сморщив нос, уселась.

– Минералку без газа, пожалуйста, – произнесла она в пространство.

Тимофей впал в смятение.

– Ну? – повернула к нему голову эта вельможная стервочка.

Тимофей молчал и, как бедный измученный кролик на удава, смотрел в ее холодные бесчувственные глаза.

Его хозяйка вновь разлепила губы:

– И сколько минут прошло?

– Э-э-э... – опять проблеял телохранитель, – с какого момента, Ангелина Анатольевна?
– Вы издеваетесь, Тимофей? Вы сами сделали распоряжение Аркадию, чтобы он с людьми вошел сюда ровно через семнадцать минут. Если мы до тех пор не выйдем из этой норы.

Она выразительно скривилась.

– Скоро уже. Семь минут осталось. С половиной, – уточнил услужливо Тимофей.

– Можете постоять рядом, – позволила мегера. – Не надо минералки. Я немного помедитирую.

В салоне повисла тугая тишина.

Но ненадолго. Через минуту сестрица президента вновь заговорила. На этот раз она обратилась к Зоту Орестовичу:

– А почему вы никому не звоните, голубчик?

– А кому, извините? – осведомился сбитый с толку и уже начавший паниковать антиквар.

– Ну, я не знаю... Менеджеру, наверное, какому-нибудь? Или у вас нет менеджера? Вы один работаете? Тогда жене, что ли.

– Зачем, позвольте спросить? – еще больше забеспокоился Зот Орестович.

– Ну как же зачем, голубчик? А лавку на кого оставить? Вот так просто запрете и все? А как же бизнес? У вас же будет упущенная выгода, это неправильно.

– Ангелина Анатольевна, вы такая чуткая, такая заботливая, – неискренне проговорил интимным тоном ее телохранитель.

Ангелина Анатольевна холодно на него взглянула, давая понять, что про себя все сама знает и в его одобрении не нуждается.

Тимофей проглотил конец фразы и заткнулся, униженный.

Тут Зот Орестович пал духом совершенно. На улице кто-то громко хлопнул дверцей, выходя из машины. Он вздрогнул и посмотрел затравленно на входную дверь.

– Вы представляете, – внезапно решил он, – нет, вы представляете, господа, что я только что вспомнил?

– И что же это? – скучным голосом поинтересовалась Ангелина Анатольевна.

А ее телохранитель злобно процедил:

– Так вы, пока еще помните, напишите на бумажке. Или диктуйте уже, я сам за вас запишу.

Он грозно прошагал к конторке, на ходу извлекая из нагрудного кармана ручку. Антиквар принялся торопливо диктовать, сличаясь с мобильником. Он назвал десятизначный номер, затем фамилию, затем имя.

Телохранитель Тимофей, записывающий все это на какой-то старой визитке, внезапно писать прекратил и произнес с непонятной досадой:

– Достаточно, милейший. Отчества не нужно. Отчество этого придурка мы знаем сами.

С Колькой Ревякиным, так же как и с Сашкой Поляничевым, Егор учился в одном классе. К ним в школу Ревякин перешел из какой-то другой – это случилось примерно в классе пятом или шестом.

Колька был классический хулиган, просто картинный. Мишка Квакин. Но без своей шайки. Хулиган-одиночка.

Преподаватели Кольку боялись из-за его особенной непредсказуемости. Ну, и неуправляемости, конечно. Он хамил, мог выйти из класса в любой момент и войти без разрешения, препирался по каждому поводу, изводил издевательскими комментариями, строил рожи, передразнивал интонации, ну и так далее.

Одноклассники относились к нему настороженно. Поначалу ожидали, что теперь начнется война авторитетов, но на Гарика Панфилова, их хулиганского президента, он так и не полез.

Сам Гарик, однако, делал попытку подмять под себя новичка. Вместе со своей братвой вызвал Коляна за школьный гараж и там, на задворках, попытался провести с ним профилактику. Окружили Коляна шесть пацанов, но плюх так и не насовали, все закончилось отодранным карманом на школьной куртке. Как только Коляну этот карман оторвали, он озверел, а озверев, начал так отчаянно и свирепо молотить кулаками и лягаться ногами, что от него отвяались раз и навсегда.

И с девчонками он не задирался, как бы их не замечал вовсе.

После восьмого все вздохнули с облегчением: ушло наше счастье в ПТУ осваивать профессию автослесаря.

А еще помнил Егор удивительное отношение Кольки к одной учительнице, она у них вела русский с литературой. Звали ее Нина Михайловна. Дорошина, кажется. Да, точно, Нина Михайловна Дорошина.

Так вот, с ней у Коляна поначалу такие баталии случались, что весь класс замирал в восторге. Коррида. И эта пожилая тетка его таки приручила. Конечно не моментально, но справилась.

Вообще-то, она была в своем роде уникам. Бывало, какая-нибудь училка на своем уроке аж визжит от злости, чтобы народ не борзел, а ее никто не слушается и слушаться не собирается, даже девчонки, даже отличницы. Нервы мотали таким в свое удовольствие. Или были такие чудачки, что на «сознательность учащихся» давили и обращались к их совести. Не менее смешно.

А Дорошина была как атомный ледокол в арктических льдах – сильна и нетороплива. И с неизменной улыбкой матерой тигрицы на тонких губах. Глаза возмущенно не выкатывала, не визжала, указкой об стол не колотила, но как только голос повысит, совсем только чуть, так сразу все тридцать шесть голов к партам и пригнутся. Или, напротив, вперятся преданным взглядом, чтобы внимательно слушать, что скажет.

Но Ревякина-то это не должно было задеть! Он же их ночной кошмар! В смысле педагогов. Он их каждодневный ужас. Их наказание за все грехи прошлой жизни. Они всем педсоветом его согнуть не смогли. А Дорошина смогла в одиночку.

И не одними лишь голосовыми связками, хотя именно с Ревякиным ей приходилось их напрягать. Егор предполагал, что, наверно, как и весь класс, Колька почуял в Дорошиной силу, но не подлую, не стервозную, а какую-то правильную. Справедливую, что ли? Возможно.

Но до поры до времени он все же ерепенился, не желая сдаваться. А потом был один эпизод. Егор случайно расслышал, а больше никто. Никому и не предназначалось. Колька солировать начал по обыкновению, что-то принялся наглое говорить Дорошиной, а она ему с тихим смешком: «Ну и дурак ты, Николаша». Колька растерялся из-за «Николаши» и не нашел лучшего, чем сказать: «На дураках земля держится, Нина Михайловна». Дорошина посмотрела на него задумчиво и сказала с расстановкой: «Нет, Коля, нет», а потом подошла совсем близко к парте, за которой тот сидел, наклонилась и проговорила чуть слышно: «На дураках пашут». И кажется, ему подмигнула, но в этом Егор не был уверен.

Наверно, тот разговор и был переломным в отношении Ревякина к русичке. Он ее не боялся, но перед ней благоговел. Он не мечтал стать ее любимчиком, а только лишь чтобы она его изредка хвалила. Пусть не каждый урок, пусть даже поругает иногда, хоть бы и несправедливо, но только чтобы изредка хвалила. Она и хвалила, и ругала. А Егор подозревал, что и жалела. Замечал ли это Ревякин? Кто ж его, хулигана школьного, поймет. Может, и замечал.

У Кольки стипендия в ПТУ копеечная была, но ко Дню учителя непременно «веник» ей притаскивал, Егор сам тому был свидетель. Говорят, что Ревякин и потом в школу забегал, пока Дорошина на пенсию не ушла.

Самого же Коляна Егор в последний раз видел на вечере выпускников в позапрошлом году. Тот приехал на каком-то здоровом джипе, в дорогом костюме и совсем не пил. Закабанел, те же волчьи повадки, но на жизнь зарабатывает и, по его словам, честным трудом в поте лица. Вот так.

И именно Колян звонил хозяин антикварной лавки. Мир тесен.

Выходит, хлопцы эти тоже его. И похоже, что не случайно они так часто пересекались сегодня.

Его новая знакомая Алина молчит и ничего прокомментировать не желает. А он должен за нее беспокоиться. Дела...

Егор по инерции снова сел за руль, Алина не возражала. Только сказала, чтобы ехал к ближайшему метро. Ему ведь нужно вернуться за своим «Фордом». Или он поймает такси? Или он сначала за «техпомощью»?

Тут до нее что-то стало доходить. «Техпомощь» можно было вызвать там же, возле тети-Тамариного дома. Он что, так спешил на свою деловую встречу, что ждать «техпомощь» не мог? Спешил, а теперь, значит, не спешит?

«Наверное, он из-за меня опоздал, и спешить теперь ему некуда», – догадалась она.

Ей сделалось неловко.

Она тихонько скосила глаз в его сторону. Лицо немного усталое, но сильные руки уверенно держат руль. Правая кисть спокойно и неторопливо легла на рычаг переключения скоростей. Ногти чистые, аккуратно пострижены. Алина ожидала увидеть бледные тонкие пальцы, которые, словно паучьи лапки, будут выглядывать из твердо-белого манжета дорогой рубашки, и узкое запястье с выступающими худосочными костяшками, но рука оказалась по-мужски крепкой и плотной. Загорелой. Обручального кольца вроде бы нет...

«Да о чем это я!» – быстро одернула себя Алина.

И тогда, чтобы не сгущать тишину, она спросила:

– А откуда вы знаете того человека, которому звонил скупщик? И что это... гм... дает?

Она не знала, какое правильное употребить местоимение – «нам» дает, «вам» дает, «мне» дает.

– Я учился вместе с Ревякиным. В одном классе. По жизни мы с ним давно не пересекались, но как-то встретились на одном мероприятии, вот он мне визитку свою и вручил. Он их тогда раздавал направо и налево, гордился, видимо, очень. А номер у этого понтырящика запоминающийся, и когда антиквар еще фамилию его назвал, мои сомнения разом отпали. Вот так, Алина.

Алина быстро взглянула на него и снова уставилась в окно.

– Вы мне дадите этот номер? Я бы хотела переговорить с ним.

– Еще чего, – невежливо отмахнулся Егор. – Вам что, мало сегодняшних приключений? Или вы авантюристка?

– При чем тут авантюристка?! Он же меня легко найдет, вот хоть по номеру машины! А так я ему позвоню и задам вопрос, чего же ему от меня было надо. По-моему, это разумно. Или мне придется и вправду телохранителя нанимать, а это в мои финансовые планы не входит.

– Его телефон вы от меня не получите. Я сам этим займусь на досуге. Так сказать, по-приятельски с ним побеседую. Вспомним школьные годы чудесные, поговорим за жизнь, а там и до вас дело дойдет.

– Вы не обязаны этим заниматься, – пробурчала Алина.

– Не обязан, – согласился Егор. – Ваш телефончик, будьте любезны.

Алина негодуяще посмотрела на него, он – на нее, а потом хмыкнул и добавил совсем уж хамское:

– Расслабьтесь, Ангелина Анатольевна. Вы ведь жаждете узнать, чего господин Ревякин от вас хочет? Когда что-нибудь выясню, позвоню. Только и всего. Если бы я подумывал за вами приударить, ваш сотовый номер, а также домашний, а также адрес прописки я легко смог бы нарыть, зная номер вашего автомобиля, как вы сами только что сообразили.

Первым ее жгучим порывом было оскорбиться, припечатать хлестким словом «негодяй», выгнать из машины и резко уехать прочь, обдав мерзавца клубами выхлопа. Но уже на вздохе Алина одумалась, обозвав себя эмоциональной идиоткой. Поэтому она с умеренным возмущением спросила:

– Что вам в голову взбрело представить меня сестрой президента? Да еще и имечко присвоили какое-то старорежимное – Ангелина... Хотя экспромт был хорош, королева в восхищении. То есть сестра президента в восхищении. Кстати, помните, как он очумел, когда вы свой платок на стул постелили?..

Егор, криво улыбнувшись, произнес:

– Возвращаю комплимент, вы мне прекрасно подыгрывали. Не ожидал, признаться. Вы были... изобретательны. Весьма.

Алина напряглась, стараясь придумать какой-нибудь остроумно-ироничный ответ, но не успела. Они подъехали к метро. Егор остановил машину напротив входа и, насмешливо подмигнув на прощанье, захлопнул за собой дверцу.

Алина кое-как, аж за два квартала, приткнула автомобиль, вытянула с заднего сиденья пухлую сумку с тети-Тамариными вещами и заторопилась по узкому тротуару в сторону улицы Петровка. В старом центре и ездить трудно, и парковаться нелегко.

Комната, в которой сидела Марьяна, была так себе. Кроме ее стола еще два по углам. В чем-то выигрываешь, а в чем-то не очень. По крайней мере, на предыдущей работе у Марьяны был не только свой стол, но и кабинет.

Алина сунула голову в дверь и сказала:

– Я уже здесь. Привет.

– Здорово, Росомаха, – отозвалась из-за монитора Путято. – Чего топчешься? Заходи.

Еще на первом курсе юрфака Алина выболтала новой подруге свое школьное прозвище. И зачем? Похвастаться, что ли, решила крутизной неимоверной? Глупо. Так и будешь теперь по жизни шагать... росомахой. Хотя, по правде сказать, прозвище Алине несколько льстило. Но это так, не для посторонних.

Она вошла и неуклюже, поскольку поклажа мешала, прикрыла за собой дверь. А взглянув на Путято, присвистнула.

Сухощавая и спортивная Марьяна всегда отличалась простотой взглядов на женскую моду и, по-видимому, никогда не заморачивалась вопросом, как она выглядит со стороны. Зимой и летом она предпочитала всем изыскам джинсы с майками, толстовками, свитерами – бесформенными и, с Алининой точки зрения, безобразными.

Но чтобы настолько от всего отрешиться...

В фильмах годов пятидесятых Алина видела похожую стрижку, хорошая такая стрижечка, полубокс называется. Мужская, кстати.

– Вши завелись? – ляпнула она.

– Поспорили, – пробурчала Марианна.

– С этими? – и Алина кивнула в сторону пустых столов. – А на что спорили?

– На отчеты. Теперь эти «гаврики» два месяца будут за меня отчеты составлять.

– И где сейчас «гаврики»? – осмотрела пустые столы Алина.

– Хотела познакомиться? – съязвила Марьяна.

– Иди на фиг, – огрызнулась та, размещая сумку с вещами на соседнем чьем-то столе.
– Чего задержалась-то? ДТП? Любовник?
– ДТП, – кратко ответила Алина. – Разобралась. Но время потратила.
– Ты знаешь, фигня какая-то получается с твоей Радовой, – зажав в зубах сигарету и щелкая зажигалкой, невнятно пробормотала Марьяна.

– Что за фигня? – заинтересовалась Алина, тоже извлекая из сумочки сигареты и зажигалку.

Она любила ментоловые, а Путято такие презирала.

– А то, что по результатам вскрытия установлено... – Путято вкусно затянулась и помачала ладонью, разгоняя дым, – короче, твоя Радова труп ножом колола, так-то.

– Чего?.. – недоверчиво протянула Алина, забыв прикурить.

– Муженек ее кирдыкнулся примерно часом раньше и не от колотых ран, заметь, а от отравления одним интересным лекарственным препаратом – беллатетроморфин называется. А интересен данный препарат тем, что выпускается только в Москве и только в одной лаборатории. Это их разработка, они единолично им и торгуют. Новое поколение транквилизаторов с сильным снотворным действием. Растворяется водой, кстати, быстро, как аспиринчик. Чик – и готово, без осадка и взвеси. А в водочке вообще не успеет взгляд зафиксировать, как растворится. Чуешь, куда клоню?

– Не чую, – резко ответила Алина.

– Чуешь, девочка, чуешь. А то бы не психовала.

– Я не психую.

– Я вижу. Короче, твою Радову Тамару сегодня я отпущу. Под расписку, конечно. Суд ей по-любому грозит, сама понимаешь. За укрывательство преступника и введение следствия в заблуждение. А Маргарите повестку уже отправила, завтра жду красавицу для допроса.

Алина очень хорошо представляла допрос у Путято.

– Стоп, Марьяна, стоп, притормози. Она его не убивала. Точно тебе говорю.

– Почему? – удивилась Путято.

– Я Ритку с первого класса знаю, не тот она человек.

– Да брось ты! – начиная раздражаться, хмыкнула Марианна и встала из-за стола.

Подошла к окну, потрогала колючки у пыльной опунции, зачем-то посмотрела сквозь жалюзи на серую стену соседнего дома, снова вернулась на место.

– Как ты думаешь, дорогая, за каким таким фигом мамаша Радова кромсала своего к тому времени уже покойного муженька? Верно рассудила, чтобы кого-то покрыть. А кого мамаша Радова так до безумия любит, что решила взять на себя убийство и даже для этого весьма глумливо обошлась с телом человека, который, может, и не был ей особо дорог при жизни, но кров, пищу и постель она с ним все же делила?

– Она могла сгоряча. С перепугу.

– Именно. Именно что с перепугу. Что-то она там, в квартире, обнаружила... Улику какую-то. Уничтожила, конечно.

– Марьяна, это не доказательно, – твердо произнесла Алина. – Не сочиняй. Студент-первокурсник все твои обвинения разобьет, как кегли.

– Ты, вообще-то, чем слушаешь? – наконец разозлилась Путято. – Препарат, говорю, обнаруженный в крови потерпевшего, изготавливают в лаборатории, где Маргарита работает!

– Ну и что? – так же твердо парировала Алина. – Ее подставили, и только.

– Смешно! – ненатурально рассмеялась Марианна.

– Что тут такого? Почему ее не могут подставить?

– Могут, могут, конечно, девочка моя, только есть еще нюансик.

Алина почувствовала, что это будет не нюансик. Не нюансик это будет.

– Я вчера отправила ребят, чтобы они порасспросили соседей и прочих... Так, на всякий случай. Экспертиза-то только сегодня ко мне пришла. Так вот что удалось выяснить. Там у них во дворе папаша один с дитём гулял, а дитё в коляске, мелкое совсем. Папаша такие мероприятия терпеть не пережаривает, но с тещей не поспоришь. По этой причине на часы он смотрел каждые десять минут. Дождаться не мог, когда домой можно вернуться. Поэтому чрезвычайно точно сказал моим ребятам, во сколько часов с минутами мимо него прошла и скрылась в интересующем нас подъезде догадайся с трех раз кто. Твоя, блин, Ритка.

Алина в сердцах стукнула кулаком по столу и выругалась.

– Вижу, что за мыслью моей ты следишь, – едко произнесла Марианна. – Это еще не все. Соседка Тамары Радовой по лестничной клетке тоже показала, что в день убийства видела Маргариту Радову, входящую в их подъезд. Соседка по обыкновению прохаживалась вокруг дома – выгуливала свою болонку. Рита прошла мимо нее, поднялась на второй этаж и позвонила в дверь маманькиной квартиры. Дверь подъезда у них по теплomu времени была открыта настежь, створка окна между первым и вторым этажами – тоже, поэтому соседка уверенно утверждает, что Рита, поднявшись на второй этаж, позвонила в квартиру и с кем-то разговаривала: слов соседка не разобрала, но было слышно, что голос был мужской. Более того, данная соседка дождалась-таки возвращения Радовой Тамары с работы, отловила ее прямо под козырьком подъезда и доложила, что, мол, заходила к тебе твоя доченька, а может, и сейчас еще там. А теперь ответь мне, Трофимова, могла ли Маргарита Радова, придя в гости к, так сказать, родственнику, вручить ему в качестве презента пол-литровую бутылку «Столичной»? Правильно. Могла. А могла ли она, предусмотрительно прихватив с работы упаковочку беллатетроморфина, подмешать сей беллатетроморфин дорогому отчиму в стакан при распитии им подаренной водки? Тоже могла. О чем, кстати, и мамаша ее тоже сообразила. И еще она сообразила, что есть, по крайней мере, один свидетель, который видел ее непутевую доченьку и сможет это в случае необходимости подтвердить.

После паузы она добавила:

– Так что не совсем с перепугу пошла на это твоя знакомая. Оценила, взвесила и решилась. И этот ее на первый взгляд ненормальный поступок как нельзя лучше указывает нам на убийцу, то есть на Радову Маргариту. Такие вот дела.

– У Ритки нет мотивов, – твердо проговорила Алина.

– Я могла бы назвать тебе с десятков возможных мотивов, но не буду. Мотив у нее был.

Алина вскинула взгляд на Марьяну. Нет, Марьяна не ликовала, хотя раскрыть убийство за два дня – это высокий уровень, есть чем гордиться.

Да, она не ликовала, спасибо ей, но и не расстраивалась особенно. Кто такая эта Ритка Радова? Некая человеческая единица, известная Марьяне по скупым и редким Алининым высказываниям, и больше никто. Вот завтра она на нее и посмотрит. И посмотрит, и послушает. И задержит.

– Есть свидетели, которые могут подтвердить, что мама с дочкой в последнее время не просто ругались, а злостно и неоднократно лаялись. И вот по какой причине. Маме-Радовой надоело жить с вечно поддатым мужиком, и она собралась обратно в свою однушку. А дочка-Радова сильно этого не хотела и орала на маманю, чтобы та не была идиоткой, а разводилась и делила мужнину двухкомнатную. Ну, не хотелось ей снова проживать с маманей, у нее личная жизнь только-только налаживаться стала, а тут маменька с узлами... А мамка-Радова ей орала в ответ, что эту двушку сто лет менять не поменяешь, тем более что она приватизирована без нее, и так далее.

– И откуда сведения?

– Ну, ты же знаешь, какая в этих домах слышимость. Квартира сверху, квартира справа, квартира по диагонали – короче, все были в курсе их разборок.

– Да, доказательств достаточно, – подумав, спокойно согласилась Алина, – Ритке не отвертеться. Хотя, ты знаешь, тут у меня кое-что есть любопытное...

И она достала из сумки магнитофонную кассету.

– Я не уверена, имеет ли это отношение к убийству, но вдруг... Короче, вот почему я к тебе опоздала.

И она рассказала Марьяне, почему же она опоздала. И про случайно обнаруженную запись странного разговора вот на этой самой кассете, и про предмет, напоминающий то ли шкатулку, то ли пудреницу, и про сволочного антиквара. Только про своего нового знакомого она рассказывать не стала. Зачем мельчить события?

Но сильного впечатления на Марьяну ее рассказ не произвел. Она лишь пожалала плечами и скучным голосом высказалась примерно в том духе, что у покойного до его кончины, естественно, была какая-то жизнь с сопровождающими ее, эту жизнь, обстоятельствами и незачем их, то есть эти обстоятельства, силой притягивать за уши, а также добавила, что не собирается терять на их проверку время и «тянуть пустышку». Потому что ей с высоты ее профессионального опыта отлично видно, что это именно «пустышка» и есть.

Алина подумала с досадой: «Кто знает, может, Ритка и вправду отправила его в параллельный мир. А может, и нет. Некстати все это. Придется разобраться».

Нельзя сказать, что Трофимова Алина имела такое большое благородное сердце. Нет, благородное сердце тут ни при чем. Но, ёлы-палы, она почти восемь школьных лет угрохала на эту нескладеху Ритку, да и потом периодически подключалась к ее проблемам, стараясь сделать из нее хоть что-нибудь более жизнеспособное!.. Выходит, плохо она ее воспитывала.

Когда во втором классе ей поручили «подтягивать» Риту Радову, Алина отнеслась к этому серьезно и, если можно так выразиться, масштабно. Ритка «хромает» по математике и русскому языку вкуче с английским? Придется впрячься и помочь. Не может подтянуться на перекладине на уроке физкультуры? Что ж, заставим дома потренироваться. Пусть ноет, Алине дела нет до этого. Алине дело только до того, чтобы Ритка оценку по физре получила отличную от двух баллов, а лучше бы и от трех.

Когда Алина заметила, какие ломаные каракули Ритка выводит вместо своей подписи, они отработали с ней затейливую подпись. Они и осанку ее исправляли, и походку, и даже пробовали биться над ее произношением звука «л», который у Ритки получался как «в».

Алина кидалась ее защищать на переменах, когда к ней лезли с издевками вредные и хулиганистые девки из параллельного класса. Она с такой яростью налетала на этих наглых юных бандиток, что те, даже будучи в большинстве, трусливо отступали, неуверенно переглядываясь и вертя пальцами у виска.

Как-то, придя к Радовым домой, она застала в квартире, кроме самой Ритки, еще парочку накрашенных чувих из их класса с джин-тоником и сигаретками. Ритка им и даром была не нужна, а вот постоянное отсутствие мамы в квартире – эта да, это клево. Алина гнала их по лестнице до самого первого этажа, гнала и орала, а Ритке потом устроила разбор полетов.

И вот теперь что-то опять нужно делать. Ясно, что тютеха попала в переплет, но все-таки следует выяснить подробности. Хотя бы для того, чтобы знать, во сколько Алине обойдется хороший адвокат.

Алина встала, вновь взялась за ляжки сумки с тети-Тамариным шмотьем.

– Что там у тебя? Вещи для задержанной? Да оставь ты их тут, я ее все равно скоро выпущу, пусть сама домой тащит, – недовольно произнесла Путятю. – Да, и не вздумай Ритку свою предупредить. Или я тебе не друг больше.

Егор Росомахин ювелирно выкруливал по тесным лазейкам между стоящими вкривь и вкось пыльными высокими фурами с немосковскими номерами. Все длинное асфальтовое пространство, огороженное по периметру тремя гигантскими складскими терминалами, было

плотно заставлено фурами. В промежутках ловко сновали автокары, разгружая и увозя куда-то в глубь ангаров громадные контейнеры, связки, тюки и коробки.

Вот где-то тут и трудится школьный друг и товарищ Колька Ревякин. Друг и товарищ – естественно, в кавычках. Но его нужно еще найти.

Егор не сразу дозвонился до ревякинского офиса, было плотно занято, а когда на том конце трубку все же сняли, вместо ожидаемого сексапильного сопрано донесся бас, совсем немзыкально проревевший «Аллё».

Егор невозмутимо проговорил дежурное приветствие и, сличаясь с визиткой, попросил к телефону Николая Викторовича Ревякина.

Трубка ему рывкнула в ответ: «У телефона!»

Егор сразу понял, что такой фигней, как телефонный этикет, Колян себя не утруждает. Поэтому он смело предположил, что Колька Ревякин в этой конторе, именуемой «Трейд-авто, склад и логистика», либо грузчик, либо уж сам босс. Грузчика Егор тут же отмел. Значит, босс. Клево.

Босс Ревякин сказал: «Ну – приезжай, раз нужно» – и отсоединился.

Егору было нужно, и он приехал.

Покатавшись еще чуть-чуть по длинному грузоперевалочному загону, он пробрался подальше вглубь, насколько позволили фуры и автокары, кое-как приткнул свой автомобиль и вылез наружу.

Поймал за рукав пробегающего мимо мужика. Мужик был одет в черно-белую форменную спецовку с логотипом конторы на спине, значит, местный. Но данный местный не знал, как попасть в кабинет начальника, и отправил Егора в бухгалтерию, а там подскажут. В бухгалтерию Егору не хотелось, поэтому он поймал еще одного местного, более продвинутого, и тот ему наконец объяснил.

Егор не стал бы ни у кого ничего выпрашивать, если бы среди бесконечного ряда однообразно-серых пандусов, рольставней и ворот наткнулся взглядом хоть на что-нибудь нетипичное. Например, какой-нибудь широкий, весь в зеркальном стекле подъезд или отдельно стоящий особнячок в стиле модерн или хоть бы и в купеческом, не важно.

Ничего подобного он не увидел, поэтому и приставал с расспросами, однако то, на что в конце концов указал ему пальцем продвинутый абориген, никак не тянуло ни на модерн, ни на ренессанс.

Никаких вам бело-мраморных ступеней и чугунных вензельных перил. Всего лишь узкая металлическая лестница, ведущая наверх, по наружной стене дальнего ангара, и заканчивающаяся крохотной площадкой с единственной дверью на ней. Дверка простая, металлическая, без выкрутасов. Вот вам и понтырщик.

За дверью то ли холл, то ли приемная, обставленная самой обычной серой мебелью, да и той негусто. Стол, два стула, шкаф, одноногая вешалка.

За столом пацанчик с курчавой челкой, в очках и тесной курточке, которую Егору захотелось назвать гимназической.

Егор поздоровался вежливо с пацанчиком и поинтересовался, на месте ли господин Ревякин. Он начисто забыл Колькино отчество, а называть его просто по имени счел неполитичным.

На шум выглянул сам «господин Ревякин», огромный, как двухкамерный американский холодильник, и проворчал:

– Впусти его, Марк, он ко мне.

Егор удивился, как этот бледный Марек мог его не пустить, но шутить повременил. Тем более что хозяин всего, что вокруг, был к шуткам нынче не расположен.

Громадный Ревякин кивнул Егору, приглашая войти, и, развернувшись, косолапо последовал внутрь кабинета.

«И как, интересно, обустраивают свое рабочее пространство простые подмосковные капиталисты?» – размышлял, ступая следом, Егор.

А никак. Никак они его не обустраивают, вот ведь. Замызганный ковролин, серые стеновые панели и самый дешевый грязно-белый подвесной потолок.

Правда, у левой от входа стены располагался наглый кожаный диван шоколадного цвета, такое же шоколадно-кожаное кресло стояло у стены напротив, а письменный стол руководителя, то есть Кольки Ревякина, украшал огромный плазменный монитор.

А еще на стене, как раз за Колькиной спиной, висело произведение живописного искусства, довольно крупное, в стильной серебристой рамке, все в фиолетово-розово-черных щедрых мазках явно масляной краски. И явно подлинник, так как в нижнем правом углу произведения скромно серела плохо разборчивая подпись живописца.

На этом красота закончилась. Почти весь диван был завален какими-то папками, газетами, бумагами. В кресле, накренившись набок, топорщился принтер, от которого тянулись шнуры через всю комнату к компьютеру и розетке, а на столе не было места даже для еще одной кофейной чашки, потому что его поверхность была сокрыта теми же папками, газетами, бумагами, а также каталогами, буклетами, ежедневниками, органайзерами и прочей канцелярской атрибутикой, размножившейся и разбушевавшейся в атмосфере свободного мужского пофизма.

Однако сам хозяин кабинета был помещен в костюм от «Марк энд Спенсер», лицемерную скромность которого разбавлял бело-золотой галстучный зажим. Егор похвалил себя, что не просчитался с выбором сегодняшнего своего прикида. Мы ж с тобой одной крови, братан!.. Н-да.

Ревякин протиснулся за свой стол, перед тем как сесть, протянул Егору руку для рукопожатия. Оглянувшись по сторонам и заорал:

– Марек, притащи сюда стул!

Худосочный Марек внес стул, поставил его рядом с Егором и молча вышел.

– Садись, Жора. Давай говори, что у тебя. А то я уж голову себе сломал, все вспоминал, когда ты в последний раз ко мне обращался.

Тут телефон на его столе сипло зазвонил, Колька недовольно хрюкнул, но трубку снял. Пока он отрывисто с кем-то переругивался, Егор решал, решал и решил наконец. Раз уж Колька такой прямой и открытый, то и говорить с ним нужно прямо. Прямо, но аккуратно. Тем более что Егор не придумал ничего остроумного на предмет, как лучше подъехать к щекотливой теме сугубого Колькиного интереса к чугунной антикварной чернильнице.

Хозяин кабинета со стуком опустил телефонную трубку, потыкал в какие-то кнопки на аппарате и крикнул Марку, что его пока нет. Откинулся на спинку кресла и замер, пристально и без улыбки вперившись в Егора.

Тогда Егор тоже откинулся на своем шатком стуле и, положив ногу на ногу, а локоть на стол, независимым, но доверительным тоном произнес:

– Николай, я к тебе как парламентар. Одна моя знакомая попала в странную историю. Даже, я бы сказал, в нелепую. А пути привели к тебе. Так вот, эта моя знакомая не понимает, зачем тебе понадобилось с ней встречаться, и тем более не понимает, зачем ее нужно было тащить к тебе силой. Если причина в некой антикварной вещице, то эта вещь оказалась у нее на руках абсолютно случайно. Моя знакомая просит передать, что ничего интересного по этому поводу тебе сказать не может. А от себя хочу добавить: не пугай больше девочку, Коля, она точно ни при чем.

Ревякин усмехнулся. Только глаза его отнюдь не смеялись, а смотрели цепко и холодно. Спросил неторопливо:

– Значит, моих гвардейцев ты уделал?

Егор кивнул, как бы удрученно.

– А девчонка та тебе кто?

– Никто она мне, Коля, случайная знакомая, – он развел руками. – Я с ней только вчера познакомился. Незадолго до... инцидента.

– Придурка Самолетова тоже ты до припадка довел?

– Кто это – Самолетов?

– Да антиквар хренов.

– Выходит, что опять я, – покаялся Егор.

– И девчонка тебе просто случайная знакомая? А ты, значит, благородный рыцарь Ланцелот?

– Не веришь?

– Не верю.

– А если я ее знаю давно и хорошо, это что-то меняет? – немного более резко, чем ему хотелось, поинтересовался Егор.

– Конечно, дружок. Конечно, это кое-что меняет. Потому что если ты, Жора, ее знаешь давно и хорошо, то, значит, ты в этом деле тоже участник и не случайно оказался рядом. Ловить я тогда ее перестану, а что хотел при встрече сказать ей, скажу тебе, и ты меня послушаешь.

Взгляд его сделался совсем нехорошим, тон, которым Колян произнес последнюю фразу, тоже. И взгляд, и тон Егор выдержал с невозмутимостью ацтека.

Колян, кажется, это оценил, хмыкнул. Потом выдвинул верхний ящик стола, извлек из него ту самую чернильницу. Поставил напротив Егора.

– Этого, – сказал с нажимом он, – мало. Мало этого, Жора. Мне нужен весь набор и как можно скорее. Время не терпит.

Егор молча посмотрел на предмет, взял его в руки, покрутил, вернул на место.

– Поэтому мы с тобой поступим следующим образом. Ловить я ее, как уже сказал, больше не буду. Зачем? Я и так про нее знаю так много, что она от меня никуда не денется. И где трудится наша чаровница, и где проживает, и на какой машинке катается, ну, это и так понятно. Но сведения мне эти пока ни к чему. А вот если, Жора, ты мне не вернешь вещь в целостности и сохранности, то тогда эти сведения могут мне пригодиться. Угрожаю ли я? Угрожаю. Конечно, Жора, угрожаю.

Егор выругался про себя. И что теперь делать? Объяснять этому бульдозеру, что и вправду толком с той девицей не знаком? Допустим, он ему даже поверит. А дальше? Раскляняться, выразив надежду, что недоразумение в конце концов разрешится и барышня будет сговорчивой?

Он ведь и сам далеко не уверен, что эта Алина не мошенница и не воровка. Ради чего тогда ему вести себя как полоумный Ланцелот и объявлять войну старому, ну пусть не другу, пусть даже не приятелю, а кому?.. А!.. Бывшему однокласснику, вот кому.

Шкатулочку-то эту, тьфу – чернильницу! – он хорошо рассмотрел, когда они вместе выходили из квартиры покойного Сашки Поляничева. Уронила ее барышня по неосторожности, а потом этак жуликовато снова засунула в свой саквояж.

Но ведь она же впоследствии поведала Егору, как к ней в руки попала данная вещица, и объяснила, кстати, с какой целью рванула в первый попавшийся по дороге антикварный магазин!.. Первый попавшийся! Где господин Вертолетов ловко, словно опытный рыболов, подсек ее и засунул в садок.

Объяснила, да... Ну, значит, не воровка, раз объяснила. Не воровка, а настырная, любопытствующая представительница своего пола. Вот повезло-то ему...

Егор протяжно вздохнул. Попробуем иначе. По-другому попробуем.

– Послушай, Коль, а давай мы с тобой вот как поступим. Давай я тебе компенсирую твою потерю в денежном эквиваленте. Ты назовешь мне сумму, а мы поторгуюсь.

Ревякин минуту сидел, тупо уставившись на собеседника: было заметно, как под толстым черепом натужно вращаются огромные шестерни, а потом он вдруг закашлялся, зашелся громовым хохотом и сквозь смех прохрипел:

– Только вчера познакомились, говоришь? Говоришь, поторгуемся? Да ты же втрескался в нее, Росомаха! Ты же попался как глупый карась!

Тут ацтекская выдержка Егора оставила, а лицо исказила свирепая гримаса. Он стремительно перегнулся через захламленный Колькин стол, цапнул многодолларовый Колькин галстук, резко дернул на себя и проскрипел, ткнувшись носом в ревякинское ухо:

– Не смей называть меня глупым карасем, Ревяка, ты понял?!

Стул с грохотом опрокинулся на пол. Веером разлетелись какие-то буклеты.

В этот момент его правый висок ощутил легкий, холодный и такой узнаваемый тычок пистолетного дула, а слух уловил негромкий щелчок предохранителя.

– Николай Викторович, что же вы не предупредили, что у вас будут переговоры? – с вполне допустимой укоризной в голосе произнес гимназический Марек. – Я же думал, что это друг у вас...

– Друг, – соврал почему-то Колька, дернув из Егоровых пальцев свой галстук.

– Ага, друг, – подтвердил Егор, засовывая рубашку в брюки.

– Только нервный он сегодня, – продолжил Колька, поправляя галстучный узел. – В девку одну втрескался, которая чернильницу слязмила. Вот он и психует.

– А!.. Понятно, – сказал Марек и поднял стул. – Тогда я пойду?

– Иди.

Жорка Росомахин и Колька Ревякин никогда не дружили. Это понятно, они были слишком разные. Но тем не менее имелось у них нечто общее, что их, так сказать, роднило. Жорка реагировал на бесцеремонную критику учителей так же остро и болезненно, как и Колян.

Вы спросите: а кто не реагировал болезненно? Да многие же, очень многие! Сносили как должное, да и только. А ведь учительские замечания бывали не просто едкими, а едкими с подкавыкой или едкими с издевкой, а также оскорбительные и даже, гм... грубые. Нюансы эти зависели от наклонностей каждого конкретного педагога, его настроения, самочувствия, семейных обстоятельств и погоды.

И если Колян Ревякин в ответ на вполне понятное недовольство препода по поводу вновь невыученного урока хамил и огрызался, то Жорка Росомахин в качестве защиты и нападения предпочел выбрать иезуитский путь хорошей успеваемости и безукоризненного поведения.

При этом он не опорочил себя подобострастным отношением к учителям, иными словами, подхалимом не был. Напротив, он позволял себе вольнодумство и даже некоторое фронтдерство, но свое неподчинение правилам распорядка мотивировал в такой безупречной форме и так логически его обосновывал, что даже директор школы, Иван Павлович Яскин, избегал вести с ним дискуссии при большом скоплении школьного народа. Не все педагоги за это Егора любили, но все без исключения обращались к нему с осторожностью и некоей опаской.

Зато пацаны в классе относились к Жоре уважительно, а девчонки неумело кокетничали. Тем более что на уроках физкультуры он подтягивался на турнике двадцать раз подряд, в баскетбольную корзину попадал чуть ли не с середины поля и имел в собственности гитару, под аккомпанемент которой шикарно исполнял битловские «Мишель» и «Йестеди». Однако до поры до времени для многих он был просто «заносчивым мальчиком из хорошей семьи», как выразилась о нем язвительная Елена Трофимовна, завуч старших классов.

Но тут произошел один случай, который кое-что поменял во всем к Егору отношении. Было это, когда он учился в седьмом или уже восьмом классе.

Возвращаясь кратчайшей дорогой домой после факультатива по физике, Егор не смог вовремя обойти препятствие в виде четырех битюков-старшекласников, и ему ничего не оставалось, как идти прямо на них. Либо повернуть обратно.

Битюки поджидали тощего очкарика, скалились и плевали сквозь зубы никотиновой слюной, а потом один из них сильно толкнул Егора в плечо, когда тот почти уже прошел мимо их своры. Понять было нетрудно, что парни хотят его избить. За что? А фиг их знает за что. Просто хотят.

Егор попятился к бетонному забору, вдоль которого вилась узкая дорожка, и придвинулся к нему поближе спиной. Кто-то из шпаны заржал. Все четверо не спеша начали приближаться, сжимая полукольцо.

Егор медленно, не отрывая взгляда от глумливых физиономий, сбросил с плеча рюкзак. Прямо на землю, прямо в грязную, пожухлую траву. Потянулся к брючному ремню.

Теперь заржали уже все четверо, сопровождая ржание тупыми остротами. Надвигались. У одного в руках оказалась пустая пивная бутылка, другой поигрывал самодельной свинчаткой.

«Гони, очкарик, бабки, сигареты и что у тебя там еще, и мы побьем тебя несильно».

Егор наконец вытащил из брюк широкий солдатский ремень с тяжелой латунной пряжкой и обмотал им кисть правой руки. Не дожидаясь, когда свора окажется совсем близко, сделал резкий и почти неуловимый для глаз взмах рукой, обрушив удар своего архаичного орудия на стоящую рядом засохшую, но еще крепкую рябинку. Раздался деревянный стук, сухой треск, и ствол сантиметров в пять толщиной разломился и рухнул под ноги слегка подвядшей гопоты.

– Некст, – звонким от волнения голосом произнес Егор, сжав в напряженной руке свое оружие.

Придурок с бутылкой мерзко выругался и замахнулся, но бутылка тут же стеклянно застучала по асфальту и разбилась, выбитая точным ударом армейского ремня, а придурок схватился за кисть и захныкал.

– Некст, – повторил Егор, обедев напряженным взглядом остальных нападавших.

Желающих быть следующим больше не оказалось.

Он подождал, пока матерящаяся и скулящая свора скроется из виду, и на ватных ногах отправился домой, решив на всякий случай ремень из рук пока не выпускать. Штаны не свалются. Не для поддержки штанов ведь носил на себе Егор этакую несуразную древность.

Его двоюродный брат Пашка, бывший морпех, научил Егора этим штучкам. Ремень тоже он ему подарил: купил на Вернике в Измайлово.

Егор как-то зашел к Пашке в гости. Ни дяди Толи, ни тети Юли дома не было, зато сидели на кухне дембеля в полосатых тельниках, пять крепких парней, день ВДВ отмечали. Нахлопали Егору по спине и плечам, плеснули чуток пива, много Пашка не разрешил, и принялись учить «салагу» уму-разуму. А потом еще и сам Пашка Егора время от времени натаскивал.

Егор оказался способным. «Приемистым», как непонятно похвалил его один из дембелей.

Мама была в курсе таких тренировок, но их не одобряла, говорила, что незачем развивать в себе агрессию, рассчитывать на кулаки, ведь можно всегда договориться, и так далее. Она не очень хорошо знала жизнь.

В тот день Егор не удержался и рассказал ей. Она подумала, подумала и набрала номер сестры, тети Юли. Егор ждал скандала, но вышло по-другому. Мама благодарила Павлика. Пашку она по привычке звала Павликом.

История со шпаной каким-то образом стала достоянием гласности. Понятно, что если есть случай, то найдется и тому случаю свидетель. Такие нашлись, и котировки Егора взметнулись еще выше.

Сашка Поляничев, который сидел с ним за одной партой, просто раздулся от гордости и всячески набивался в друзья. Поляна, наверное, и думал, что они друзья, потому что Егор

никогда не вел себя с ним по-свински и не допускал обидного тона, хоть Сашка был троечник и балбес.

Но друзей у Росомахина не было. Так сложилось. Такой у него характер. Одиночка.

Вот девчонок Росомаха любил. Нравились ему девчонки. И те липли. Страдали.

«Чего страдать-то? – изумлялся Егор. – Весело же, отлично просто!»

Он не был циником, негодяем, мерзавцем. И потом он же никого не обманывал никогда!

И никому ничего не обещал.

Просто к девчонкам Егор относился так, как заядлый киноман относится к своей коллекции видеофильмов, надерганных с разных ресурсов и аккуратно рассортированных по темам и форматам на паре-тройке емких хардов. Что плохого в том, что человеку нравится смотреть новые фильмы? Кто его за это осудит? Какой-то фильм он посмотрит лишь однажды, какой-то – несколько раз, прежде чем отправить файл с кинолентой в папку под названием «Просмотренное».

И возможно, подзабыв и соскучившись, через месяц, год или несколько лет ему снова захочется освежить в своей памяти сюжет и эмоции, но кто сказал, что он должен с утра до вечера на протяжении всей своей жизни пересматривать один и тот же старый боевик или триллер? Чушь какая.

А вот девчонки так не думали. Страдали, надоедали. Самое это любимое у них дело – выяснять отношения. Хлебом их не корми, дай выяснять. Но тут тоже нюанс. Выяснить-то в результате можно совершенно неподходящие вещи. Девчонкам же требуется, чтобы ты им определенно заявил, что любишь, тоскуешь, места себе не находишь и мечтаешь жениться. Глупые самочки.

Егору иногда хотелось крикнуть на весь белый свет:

– Девчонки, да живите вы весело! Смотрите, как все вокруг отлично! Не мучайте вы себя тяжкой ерундой, когда все так легко и просто!

Что же касается «жениться», то Егор данный акт считал наитупейшим и наиабсурднейшим поступком и концом свободной счастливой жизни любого вменяемого мужика.

И потом, почему он должен весь свой оставшийся век ежедневно созерцать надоевший до спазмов в горле застиранный махровый халат, замызганный на пузе и с дыркой под мышкой, и наткаться на грязные колготки в тазике возле стиральной машины?

Но грязные колготки и застиранный халат – это ведь не все. Каждый день на протяжении всей твоей длинной, надеюсь, жизни этот «халат» прямо с порога будет заводить бессмысленные монологи, утомляя тебя, уставшего на работе, как сволочь, пустой трескотней; будет рыдать, если невпопад ответишь на идиотский вопрос о том, как прошел день; оскорбляться из-за того, что ты так и не заметил свежевывымытого пола или лысых после эпиляции конечностей.

А ведь есть еще тещь с тещей, свояки и свояченицы, чужие болезни вплоть до геморроя, проблемы на работе, но не у тебя, а у «халата», проблемы в школе, и тоже не у тебя, а у твоего отпрыска, тьфу-тьфу, не к ночи будь сказано!

Мрак!

А тут Ревякин со своими идиотскими приколами.

Втрескался, говорит. Вот урод.

Фигня все это. Улетучится, не впервой. Влюбляться полезно.

Главное в этом деле что? Главное, не воображать себе всякие глупости, что судьба, что на всю жизнь и до гроба, и тогда ты с легкостью избежишь того, что случилось с наивными и недалекими простаками, которые сейчас маются со своими «халатами» на их общей жилплощади.

У него железное правило – никогда не приводить в свой дом девчонок. Он и не приводил. Ни одну. И не приведет. Это его берлога, и впускать в нее кого-либо он не намерен. Его бесила одна только мысль, что некое манерное существо будет перемещаться по его квартире и рассматривать его вещи. Или даже хозяйничать. Идите, девушка, на фиг, вы тут лишняя.

Он не стремится стать кому-то там защитой и опорой и не собирается обременять себя заботами, посвящая время, силы и деньги абсолютно чужой женщине только потому, что так велят инстинкты и диктует социум. А когда захочет, заведет себе хомячка. И точка.

Кстати, не нужно лишнего трагизма. Может, и не втрескался еще, а просто глючит. Правда, глючит конкретно. Хорошо, что еще под землю он редко спускается. В метро в час пик чего только не унюхаешь. Но и так, безо всякого метро, сплошные дуновения. Всюду теперь «Клима» – и в лифте, и в коридорах на работе, и даже, блин, в курилке.

«Ничего, прорвемся», – успокоил себя Егор.

К реальности ему помог вернуться Колянов сиплый бас:

– Извини, конечно, Жорка, но твою девочку выкупить тебе не получится. И дело не в цене вопроса или моем типа упрямстве. Ты помнишь Нину Михайловну?

– Дорошину? – переспросил Егор, удивляясь тому, что недавно о ней вспоминал, и вот на тебе, заговорили. – Как она? Жива старушка?

– Жива, здорова, – подтвердил Колька, не поддержав Егорова фамильярного тона. – И этот самый письменный набор твоя зазноба притырила у нее. Поэтому, сам понимаешь, никакими деньгами ты у меня ее не отмажешь.

Егора покорило от «зазнобы», покорило, что «притырила», но общий смысл сказанного был для него настолько неожиданным, что он решил не размениваться на перепалку, а предложил:

– А давай, Колян, ты введешь меня в курс дела, а? Что конкретно произошло, когда, какие у тебя есть факты. Может, ты ищешь не там, время зря теряешь. Может быть такое?

Ревякин недовольно посмотрел на него, посопел, почесал мясистой лапой за ухом и согласился.

– Ну хорошо. Дело в следующем, Жора. Неделю примерно назад позвонила мне Нина Михайловна на мобильный. Слышу, что расстроена она конкретно. И кажется, плачет. А ее в школе никто не мог до слез довести, даже я не смог. А тут всхлипы. Я переполошился, конечно. В чем дело, спрашиваю, Нина Михайловна, объясните. Она мне и объясняет, что накануне утром к ней заходил какой-то гаденыш, ну и обворовал. Естественно, я аккуратно так ей говорю: ну что же вы, такая умная, образованная женщина, а незнакомого в квартиру пустили, однако не беда, мол, купим новое, лучше прежнего. И тут зарыдала моя Нина Михайловна в голос, я прям напугался даже. Но все же сквозь рыдания разобрал, что взяли у нее чернильный набор, который когда-то был подарен ее покойному мужу, Евгению Тимофеевичу, за безупречную работу на посту председателя какого-то там исполкома и в связи с шестидесятилетием. Чернильница именная, на передней части маленькая табличка с выгравированными словами. Я решил было к ней Самуилыча по-быстрому отправить для выяснения подробностей, но тут же передумал, лучше, думаю, дела отложу, а сам к ней сгоняю, так уважительнее. Ну, и полетел мухой.

– А Самуилыч – это кто? – решил сразу же уточнить Егор.

– Да вон он там, Марк Самуилович, в приемной сидит, Марек мой.

После небольшой паузы Егор спросил:

– Колян, а ты женат вообще-то?

– А вот не хаами, Росомаха. Женат.

И Колька развернул к нему массивную фоторамку, стоящую на почетном месте возле монитора.

Егор рамку подтянул поближе и смог в подробностях рассмотреть все Коляново семейство, которое состояло, если верить фотоизображению, из самого Коляна, его жены, молодой смешливой особы, щекастой дочки-подростка и двух щекастых же малолетних пацанов, отличающихся друг от друга только цветом бейсболок.

Настроение у Егора испортилось. Колян между тем с самодовольным видом давал пояснения:

– Это моя Нелька, она пока дома сидит, не работает. Да и незачем ей. Старшая – Сусанна, красавица растет. Скажи, Жора, правда, красивая у меня девочка?

Егор с кислым видом покивал.

– А это близнецы, им по шесть лет в этом году будет. Вот этого, – и Колька ткнул толстым пальцем в одного из близнецов, – Левой назвали. В честь Нины Михайловны.

Егор моргнул, силясь найти связь.

– Ты что, не понял? А еще отличник! Ох, зря тебе Нина Михайловна пятерки за сочинения ставила!.. Вот представь. Вырастет Лева, а как его будут звать? Лев Николаевич! Дошло, двоечник?

До Егора дошло. Стараясь не испортить наступившую оттепель своим идиотским смехом, он спросил:

– Второго Лехой назвали?

– А ты как понял? – ревниво спросил Колька.

– Случайно догадался, – поспешно произнес Егор.

– А... – со снисходительным самодовольством протянул Колян. – Я тебе сейчас вот что скажу. Великих русских классиков Толстых Николаевичей было два. Да, да, точно! Один Лев Николаевич, ну, этого ты знаешь, его все знают, а второй – Алексей. И они тоже братья были. Но не близнецы.

– Клево, – решил не перечить Егор.

– А с Нелькой меня Нина Михайловна познакомила. Век за нее буду богу молиться. Я ведь после ПТУ, колледжа то есть, автослесарного, в армию сразу загремел. Ну вот, отслужил, вернулся. Осмотрелся, а вокруг – мама родная!.. Помнишь, что в конце девяностых творилось? Работы никому и никакой, а если и найдется, то за копейки. Так что я собирался уже быковать идти, пацаны были знакомые, которые у одного авторитета на подхвате бегали, они меня за собой тянули. А тут Нина Михайловна мне как-то звонит и на чай приглашает. Прихожу, гвоздички преподнес, тортик песочный. А она мне и говорит, что сейчас девочка одна придет, хорошая, присмотришь, говорит, к ней. Она недавно родителей потеряла, тоже, как и ты, сирота. Ты, говорит, не пугайся, что у нее высшее образование, она не заносчивая. И добавила, что окончила эта девочка ВГИК, институт кинематографии короче, по специальности «киновед». Ты, говорит, Николаша, не опозорь меня только, с кинологом не спутай. А тут как раз девочка эта и приходит: чистенькая, улыбается приветливо. Нина Михайловна нас представляет со всеми церемониями, меня специалистом по автомобилям назвала, а ее дипломированным киноведом. Тут меня как бес за язык дернул. А что это, говорю, за специальность такая – киновед? Это тот, кто про собак много понимает? Нина моя Михайловна аж кулачком по столу стукнула, а девчонка засмеялась и говорит: «Сейчас, говорит, наши такие фильмы ставят, что иначе как собачьими их и не назовешь, одна чернуха с порнухой. Выходит, одно это и то же – что киновед, что кинолог». Так и познакомились.

Колян водрузил фоторамку на место и обратил вдруг снова ставший мрачным взгляд на Егора.

– А твоя деваха мою Нину Михайловну обидела. Догоняешь?

– Ты не закончил, – невозмутимо напомнил ему Егор. – На середине застрял. Расскажи лучше, что тебе твоя Дорошина поведала, когда ты к ней мухой прилетел.

Ревякин нехорошо посмотрел на него и угрожающе произнес:

– Сейчас ты перестанешь скалиться, друг, блин, детства.

– Не злись, Коль. Извини, – примирительно сказал Егор. – Это я от нервов.

– Тогда слушай, нервный ты наш. А рассказала мне Нина Михайловна, что кого попало в дом она не пускает. Утром того дня, часов в десять, позвонили в дверь и очень интеллигент-

ным голосом, ссылаясь на какого-то старого пенька, знакомого Нины Михайловны, через дверь спросили, не продаст ли уважаемая Нина Михайловна – по имени, блин, назвал! – кое-что из коллекции советских значков, которые собирал ее покойный супруг. Сечешь, Росомаха? В теме тот урод был, конкретно. Она и впустила. Вошел. В очках и старом берете. Долго вытирал ноги о коврик, извинялся за причиненное неудобство. Представился менеджером по закупкам в антикварном магазине. Пожалился, что работает за маленький процент, вот и вынужден наводить справки и крутиться. В результате продала моя Нина Михайловна ему грошовый значок какого-то съезда механизаторов, получила от упыря расходный ордер на сумму пятьдесят рублей семнадцать копеек, и на том их общение закончилось. Пропажу она заметила лишь на следующий день. Вот так, Росомаха. Этот расходничек я у нее изъясил и кое-что по нему выяснил. И выяснил я, Жорик, что такая антикварная лавка и впрямь существует и владеет ею некая сволочь по фамилии Самолетов. Ты понимаешь, конечно, что не составило мне никакого труда узнать его телефончик и позвонить. Я и позвонил. Он отнекиваться принялся, ничего, мол, не знаю, какая чернильница, какой менеджер?.. Типа он не при делах. Я тогда ему говорю спокойно, что мне некогда, да и не очень интересно его слушать, а только сроку ему неделя, и чтобы вещь у меня была не позже этого срока и в неповрежденном виде. Пугнуть-то его я пугнул, но для ускорения процесса сам тоже решил кое-что предпринять. Короче, нарисовалась про Самолетова такая схемка. Этот старый падальщик держит еще одну хитрую лавочку, палатку по приему вторсырья и цветных металлов. Прикинь, какой гений – пенсионеры сами ему свое старье тащат и сдают за копейки, могу зуб дать. Не говоря про бомжей и прочую пьянь. Те и по помойкам пошарят, и утянут, что плохо лежит. Конечно, я туда отправил своих ребятков, чтобы осмотрели все хорошенько и выяснили, что за шарашка, в натуре. Отбыли мои бойцы, а чуть позже отзвонились и доложили, что шарашка конкретно закрыта на два замка и перекладину, возле нее толкуются бомжи с пенсионерами, они-то и поведали пацанам, что палатка несколько дней как не функционирует, а причину никто не знает. Даю команду ребятам возвращаться сюда, на базу. И буквально тут же звонит мне этот старый вурдалак Самолетов и шепчет в трубку, что ему только что принесли для оценки чернильницу, по описанию похожую на ту, что я ищу. Снова звоню бойцам, меняю вводные, приказываю срочно пилить к антиквару. А сам думаю: «Как же, принесли тебе, жаба. На блюде с каемкой. И, главное, так вовремя. Это ж какое должно случиться стечение обстоятельств, чтобы именно в твою лавку принесли? Обгадился, видать, от страха, вот и передумал отпираться, вот и нашлась пропажа». Однако дальнейшие события свет не пролили, но дальнейшее, Жорик, ты знаешь лучше меня, потому как принимал участие. И что после этого я должен думать насчет твоей крали?

Егор начал уже привыкать к ревякинской развязной лексике и всех этих «краль» и «девах» пропускал мимо ушей. Ну, прикольно Коляну строить из себя ухаля колхозного, так и пусть себе. Всего-навсего внешняя атрибутика, заводиться и психовать по этому поводу лишнее.

А вот ситуация в целом его озадачила. Как-то не очень верилось, что эта чистенькая задавака Алина являлась действующим лицом данной дешевой оперетки. Не монтировалось сие, хоть тресни. Но для Коляна это не довод.

– Скажи-ка, Николай, а палатка эта с утильсырьем где располагается? – спросил он Ревякина просто для того, чтобы дольше не молчать.

– Между второй и третьей Пискуновской, во дворах где-то. Я еще внимание обратил, что название знакомое, жили мы там с матерью раньше. Блин, да ты же те места знаешь, чего я тебе гоню!.. Там школа наша неподалеку.

– Надо же... Забавно... – задумчиво протянул Егор, потирая подбородок. – А Нина Михайловна жулика в лицо не узнала? Это не Сашка Поляничев, случайно, был?

– Да ты что, Егор, – Ревякин так обиделся за свою любезную Дорошину, что даже забыл назвать его Жоркой. – Она же всех нас помнит, я точно тебе говорю. У нее память, как у

чекиста. И со зрением все путем, до сих пор без очков читает. Она бы мне сразу сказала, если бы это Поляна был. А при чем тут Поляна, в натуре?

– Да это я так... Не стал бы, конечно, Сашка ничего у Дорошиной красть. Он хоть и балбес был, но не сволоочь. Убили Сашку, Коля. Убили. Говорят, жена его на тот свет отправила. И вот эту самую чернильницу девочка Алина случайно нашла в Сашкиной квартире. Хорошо припрятанную.

– Ты не гонишь? – после паузы озадаченно спросил Колян.

– Я – нет, она, я думаю, тоже. У тебя фотки, случайно, нет? Я имею в виду, той чернильницы целиком?

– Да откуда, Жор, ну ты что, прикалываешься, в натуре?.. А ты разве ее не видел ни разу? Ты что, у Дорошиной дома никогда не был? А ну, конечно, мы же отличники, нам было ни к чему... Я тебе ее сейчас изображу, погодь.

И Колян стиснул толстыми пальцами карандашик и принялся что-то вырисовывать на бумажке, комментируя свои каракули словесно.

– Она такая типа чугунная фиговина на ножках. Как бы фигурная платформочка, короче. А по размерам где-то примерно сантиметров тридцать на семнадцать будет, если сверху смотреть. Вся в завитушках и резная по краям. Ножки по углам, наподобие как у шкафа несгораемого, сечешь? Высотой будут по паре сантиметров. И тоже вот в таких примерно вензельках. Одна лапка подмятая, но там никак уже не исправишь. А в самой платформочке два гнезда имеются под вставные баночки. Вот под эти.

Не отрываясь от рисунка, он ткнул карандашом в сторону баночки, уже затерявшейся в гряде бумаг.

– В них чернила наливают, прикинь, Жор. Разноцветные. В одну можно синие налить, а в другую фиолетовые. А вот здесь, вдоль переднего края, такая канавка, чтобы в нее ручку класть. Обычная, я хочу сказать, конструкция, типовая. Исполнение только старинное. А вот тут, примерно по передней части, табличка с дарственной надписью. Она не «родная», ее припаяли, чтобы поздравление было где написать.

Егор задумчиво рассмотрел протянутый рисунок и положил его на стол.

– А кто конкретно на Нину Михайловну воров навел, не выяснил? Что за «старый пенек»? В натуре?..

– Выяснили, а как же. Шармант Василий Васильевич, старый приятель мужа. Потрясли козлика аккуратно. Сильно трясти побоялись, потому как, говорят, очень там у него валокордином воняло. И по словам этого Шарманта, зашел он в утильную палатку специально, чтобы сдать пустые жестяные банки, которые вынужден собирать для прибавки к пенсии. Там, в палатке, он и разговорился с «менеджером». Тот вызвал у него приступ сочувствия, вот Шармант и слил информацию. Только похоже, что дед там ошивался вовсе не из-за мизерной выгоды, а чтобы самому что-нибудь стоящее у бомжар перехватить. Судя по начинке его квартиры, навряд ли он будет по мусорным бачкам шарить. Пацаны, конечно, не эксперты, но доложили, что бронзы всякой с хрусталем там напихано столько, что их чуть не вытошнило. Жучара он, точно тебе говорю.

– Так, видимо, он и есть заказчик! – раздражившись, проговорил Егор. – А ты на девчонку наезжаешь!

– В смысле? – ступил Колян.

– У него твоя чернильница, вот что. Его трясти надо.

Колян загрузил.

– Если у него вещь, трудно ее будет обратно вернуть. Как на него воздействовать, не понимаю. Какой там трясти!.. На этого деда не то что замахнуться, голос повесить страшно – помрет. И толку в результате никакого не будет. А я Нине Михайловне обещал, что верну ее имущество. И что делать теперь, а, Егор?

– Значит, нужно «менеджера» искать, иначе не получится. Что про него Вертолетов говорит?

– А ничего не говорит. Пропал, говорит, один сотрудник, у которого могли быть расходники на руках. Исчез с прошлой недели: на работу не выходит и выручку так и не сдал. Может, врет, а может, правду говорит.

В кабинет осторожно заглянул Марек, сказал негромко:

– Николай Викторович, транспорт из Кирова пришел.

– Как пришел?! Мы же их завтра к вечеру ждем!

Марек пожал плечами и скрылся у себя в приемной.

Егор засобирился, встал со стула, протянул руку Коляну через стол. Произнес:

– Ты Вертолетова этого тряси, он точно что-то должен знать. А я с девахой своей покалякаю.

И улыбнулся.

Алина медленно и аккуратно положила умолкший мобильник на стол. Посидела неподвижно, стараясь успокоиться. Дыхание выровнялось, пульс утих.

Демократично! Он сказал, что одеться надо демократично! Как это? В джинсы? Отлично, прямо сейчас Алина приобретет себе самые демократичные джинсы и пуловер. Главное – дресс-код. Может, не самое главное, конечно, но очень важное.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль Алина Леонидовна Трофимова, стремительно выключив компьютер, ксерокс, принтер, факс и разложив стопки бумаг по файлам и папкам, а карандаши, ручки, ластик и скрепки по кармашкам органайзера, поспешно вышла из своего кабинета. Цель она себе уже наметила, пошарив по сайтам. Ей нужен ЦУМ. Там она себе все и приобретет.

Там она себе и приобрела весьма буржуазно-демократичные джинсы «Левис», к ним весьма буржуазно-демократичный серенький в черно-белые ромбы свитерок из тонкой шерсти альпака и кожаные, тоже демократичные, черные кроссовки. Ей было предложили серебристые со стразами, но она их с негодованием отвергла, выразившись сурово, что они не демократичные, а вульгарные.

В результате Алина своим шопингом осталась очень довольна. А фривольную косыночку на шею она себе дома подберет. Возможно, косынка будет голубой. Или лучше все-таки графитово-серой?

Спала плохо, ворочалась, но проснулась бодрой. Вещи были отглажены с вечера и аккуратно разложены по креслам.

У Алины в спальне имелось целых два кресла. У нее была большая спальня. Лучше даже называть ее апартаментами. Так вот, в ее апартаментах, кроме кресел, чайного столика, широченной кровати карельской березы и трехстворчатого и тоже из березы гардероба, были еще и письменный стол с мощным восьмиядерным компьютером, и книжная полка, висящая над стильным комодом, уставленным статуэтками и прочей приятной мелочью, и огромная телевизионная панель, и маленький туалетный столик с трельяжем и пуфиком возле него. И эта комната имела два окна! Два очень широких окна!

И у ее родителей, Леонида Сергеевича и Ирины Михайловны, была такая же комната, и еще была большая гостиная, и папкина мастерская с токарным станочком и всякими слесарными инструментами – он любил в свободное время заняться какой-то своей мужской ерундой, и комната для гостей, и две ванны – одна с джакузи, и два туалета.

Это все недавно появилось, не сразу. Раньше у них двушка в девятиэтажке была с маленькой кухонькой и крошечной прихожей.

Но Леонид Сергеевич сумел так поставить дело в своей автомастерской, что скоро она начала приносить ощутимый доход, а потом они продали двушку, и все трое какое-то время

кантовались в одной комнате в коммуналке с соседями из Средней Азии, а вырученные за квартиру деньги Леонид Сергеевич пустил на расширение бизнеса.

Он часто повторял, что ему повезло с его девчонками – не хнычут и все понимают.

А потом, когда его мастерская постепенно превратилась в многопрофильный автосервис и со всеми важными делами он сам уже не успевал нормально справляться, уговорил маму, и она взяла в свои руки управление персоналом, который на тот момент в числе разросся и был по своей природе анархичен и нагловат. Автослесарный пролетарий от прочего ничем не отличается: ленив и норовит хапнуть левый заказ себе «на карман».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.